

К. А. Коссович¹

**Письма-отчеты¹ Модесту Андреевичу Корфу³ об отношении посетителей
к демонстрируемым сокровищам Публичной библиотеки**

Подготовка текста и примечания И. Г. Матвеевой

28-го июня [1859 г.] общество, обозревавшее Библиотеку, состояло из нескольких образованных офицеров-поляков, одной польской дамы и нескольких студентов. Озадачили меня во время обхода только один господин из толпы, спросивший меня: «Что, эти рукописи — все на пергамене из кожи?», да еще какой-то молодой щеголеватый господин с молодой молчаливой дамой, явившийся в Библиотеку уже в половине обхода. Этот последний господин, называвший себя несколько раз членом Библиотеки, слушал только самого себя, прекращал же свое самовнимание, делая мне время от времени, со всею вежливостью, вопросы в роде следующих: «А скоро мы увидим челобитную к Алексею Михайловичу?», а скоро войдем в зал XV века⁴?», «Увидим ли мы картоны Рафаэля⁵?», «Вы нам покажите Евангелие, подаренное Государю Наполеоном⁶?» и т. д. Фамилия этого господина — Протопопов⁷.

Героями обхода 30-го июня были зять полковника Усляря⁸, постоянного читателя нашей Библиотеки, г-н Бологов⁹ с женою¹⁰, дамою очень молодых лет, но достохвально симпатизирующею библиографии и библиографам; последнее я заметил из живых отзывов ее о Геннади¹¹ и Соболевском¹². Из разговоров с г-ном Бологовым ничего особенного, в общебиблиотечном отношении, не удалось мне вывести, кроме одного, что у него есть драгоценные русские автографы, с которыми, однако, он расставаться ни за что и никогда не намерен, да еще, что у Соболевского есть одна *Rossicum*, итальянское сочинение, помнится, автора Ферре¹³; этой книги, по словам Бологова, у нас нет, и ею, разумеется, гордится Соболевский. Кроме Бологова, было, по обыкновению, несколько студентов, какой-то здешний иностранец и Надежда Александровна¹⁴, — кажется, так называется по отчеству бывшая воспитанница баронесс Ольги Модестовны¹⁵ и Елены¹⁶. Кто-то — на этот раз из дам, но не г-жа Бологова¹⁷ — спросила меня в этот обход: «Что, Остромирово ведь Евангелие написано на бумаге?». Был также усердный читатель нашей Библиотеки, художник приезжий из Москвы, по фамилии, кажется, Роговский¹⁸. Он рассказал мне о себе следующий анекдот. Ему надобно было сделать справку в Общем собрании

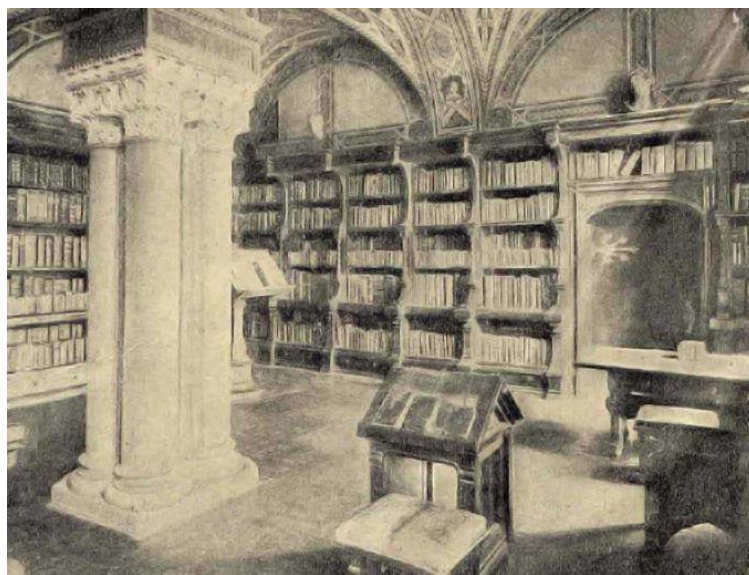
законов. Для этого он относился в Москве к книгопродавцам, но те сказали ему: «купите», — к присутственным местам, но там ему сказали: «дайте 25 р[ублей] с[еребром]. Чем платить 25 р[ублей] с[еребром], он решился употребить эти деньги на проезд в Петербург, или вернее, в нашу Библиотеку. Из этого события Роговский вывел следующее заключение: «Какое благодеяние Библиотека оказала бы Всероссийскому обществу¹⁹, если бы Канцелярия ее приняла на себя — разумеется, положив определенную плату, — делать выписки для иногородних, т. е. если бы дала право иногородним жителям России относиться к ней с подобными просьбами, прилагая, н[а]п[ример], за выписку не более как в письменный лист по 3 р[убля] с[еребром]». Роговский думает, что: 1) Библиотека подобным благодеянием была бы в полном смысле слова Всероссийскою и 2) нисколько не осталось бы в убытке в материальном отношении. Я обещал Роговскому довести эту его мысль до сведения Вашего Высокопревосходительства²⁰. Этот же Роговский подарил нам в прошлом, кажется, году маленький эстамп, изображающий агнца и крест, состоящий из нескольких молитв.

Кабинет Фауста.

Арх. И. И. Горностаев,

В. И. Соболющиков

Посетителей, обозревавших Библиотеку в 1-е августа, было множество: не менее, кажется, человек 40 — штатские, врачи, военные, гимназисты, кандидаты в военно-учебные заведения,

студенты, дамы; но все, большею частью, люди застенчивые и уклончивые, ибо расписались²¹ из них очень немногие, хотя я не обходил никого и в этом отношении моим вниманием и просил убедительно об оставлении нам о себе памяти. Обход продолжался 2,5 часа. Героем обхода был Гаевский²², директор, или вице-директор учебных заведений, или по ученой части в Духовном ведомстве. Он намерен просить начальство Библиотеки разрешить одному художнику, служащему в Св. синоде, скопировать прописные буквы (оглавления и т. п.) наших древнейших славяно-

церковных книг и рукописей. В этот же обход осматривал Библиотеку приезжий из Твери, Микулин, учитель истории в гимназии, человек необыкновенный по степени образования и по достоинствам нравственным, служивший некогда вместе со мною в Твери, а накануне, т. е. в субботу, я показал Библиотеку другому приезжему моему товарищу инспектору Ярославской гимназии Забелину²³.

Уже мы обозревали Отделение рукописей, как входит княгиня, которой я имел удовольствие прошлый раз сопутствовать из Царского Села в С.-Петербург, с сыном. Я предложил ей обойти со мною Библиотеку печатных книг, в заключение же воротиться опять в Отделение рукописей. Во время дальнейшего обхода, по мере моих рассказов, от княгини и со стороны я только слышал: «Прекрасно, бесподобно; да давно ли все это так?» и т. п. Наконец, после надлежащего приготовления, ввожу публику в зал XV-го века: было уже тогда слишком 2 ½ часа. Глаза у всех разбежались. Так как я все толковал, то трудно мне было схватить, что говорили другие: но княгиня спросила меня опять, как зовут эту залу. Я сказал: «Залю инкунабул или залю XV-го века²⁴». — «В будущем она должна переменить название: ее назовут Корфоскою». — «Справедливо, сказал я; но и все ведь залы, как вы знаете — Корфоские». Других замечаний я схватить не умел. На предложение мое после обхода зайти в Рукописное отделение княгиня и другие опоздавшие не были уже в силах ответить удовлетворительно, хотя было видно все искреннее с их стороны желание, и я потерял таким образом ее и сына ее автографы, ибо при появлении ее в Библиотеку предложить ей расписаться не пришлось и не было возможности. Впрочем, она и другие посетители хотели приехать нарочно для Рукописного отделения и надеюсь, что сдержат слово, если *le charme, dont ils ont été fascinés tous cette fois ci*²⁵, в буквальном смысле, как мне казалось, — продлится и по их выезде из Библиотеки.

Из обозревавших Библиотеку 4-го августа, кроме священника²⁶ и еще кого-то, по видимому, знающего духовную часть и духовных²⁷, никто не делал мне никаких вопросов. Пришедшие в этот раз, кажется, были чисто компилятивного характера. Один из числа их напомнил мне о себе, что он когда-то где-то у меня учился, что кончил потом курс наук в Московском университете по Математическому факультету и теперь штудирует здесь медицину, пользуясь с благодарностью сокровищами по этой части нашей Библиотеки, без которых, как он выразился, он бы не мог здесь подвинуться вперед ни на шаг; не скажу, говорил он, о медицинских знаниях вообще,

потому что Академия учит же, и надо сказать, хорошо, но, — [я хожу сюда,] занимаясь медициной как истинной наукой.

Если посетители этого дня были, по-видимому, все наблюдатели, то не ускользнуло и от моего наблюдения одно лицо, это — старушка преклонных лет, одетая менее, нежели скромно, с бледным изнуренным и болезненным лицом; вел ее чиновник-сын, молодой человек лет 25-ти с медалью на Владимирской ленте, из чего заключаю, что они приезжие. Из разговора между ними видно, что они поляки. Взглянув на эту убогую развалину, можно было подумать: «за чем она-то притащилась сюда?». Но нет. Этот сын с матерью, посетившие вчера Библиотеку, едва ли не лучшее составили ей украшение в этот день, когда Библиотека красуется перед обществом: сын привел сюда мать, которой дни уже сочтены на земле, для того чтобы не дать ей умереть, не повидав лучшего и блистательнейшего учреждения на пользу общества в России. Не знаю, кому более приписать следует чести: сыну или матери. Не силою же он притащил ее больную, — не отстававшую во весь обход; а между тем, много ли у нас, да и на свете, подобных матерей?

В Рукописном отделении священник упомянул о некоторых духовных примечательностях, которых автографов и портретов у нас недостает, а также о некоторых портретах, которые есть лучше; между прочим, он заметил отсутствие портрета Макария Харьковского²⁸; на счет Фотия²⁹ выразился: «его, я думаю, можно бы заменить кем-нибудь другим», но, кажется, согласился со мною, что Фотий здесь у места по исторической все-таки роли, которую он играл в нашей иерархии. Упомянутый господин выразил сожаление, что у нас не выставлен великолепный (большой) портрет Иннокентия³⁰, на что я ему заметил, что выставленный — прекрасный фотографический и что именно он удобен здесь по малости объема.

В Ларинской зале, любуясь портретом Екатерины, священник произнес очень примечательные слова: «Вот достойное изображение лица, облеченного самодержавною властью! Спокойствие ее, благородство, твердость. Видишь ее, а не пушки, не оружие, с которыми, как бы для того, чтобы пугать, а не привлекать, привыкли у нас изображать коронованные лица».

Нечего говорить, что батюшка был в высочайшей степени доволен всем, что видел, и что искренно благодарил меня.

Екатерина II. 1783 год.

Худ. Д. Г. Левицкий

Несмотря на мрачную погоду, посетителей, собравшихся для обозрения Библиотеки в 9-е августа³¹, было гораздо более, нежели в прошлый раз, — не менее 40 человек. По обыкновению, собрались из разных классов общества: военные³², купцы, кадеты, гимназисты, студенты; не было только никого из духовных. Были также дамы: примечательнее других г-жа Виноградова³³, родственница А. Н. Оленина³⁴. Между прочим, она спросила у меня: «Где же портрет барона Дельвига³⁵, служившего у вас?». В ответ на мое: «К сожалению, у нас нет его», она обещала непременно доставить нам фотографию с отменного маленького портрета, у нее находившегося.

Во весь обход я чувствовал себя довольно одушевленным, но мои указания и повествования не вызывали никаких особенных замечаний со стороны посетителей. Кроме ясного общего сочувствия ко всему, усматриваемому ими, и признательности за все это, — как вдруг, уже в Ларинской зале³⁶, один, по видимому, очень приличный офицер спрашивает меня, перебивая: «У вас есть и зал, где можно читать?» — «Разумеется. Будем через него проходить³⁷». — «Скажите, все это ведь при нынешнем Государе? Что, библиотека Залуских³⁸ у вас помещается особо?» и т. д. Подобные вопросы звучали очень странно среди спокойного внимания обзревавших. Правда, все слышанное мною от этого офицера, в своем роде, очень пикантно, но, для чести образованного человека, и при том в военном мундире, я бы согласился лучше ничего подобного не слышать, хотя без этого мой настоящий отчетец, быть может, вышел бы несколько монотонным.

11-го августа публики³⁹, собравшейся для обозрения Библиотеки, было еще более, нежели в прошлый раз — не менее 50 человек: помещики, военные,

студенты, врачи, семинаристы, дети; была также одна дама и двое молодых священников. Какой-то бодрый старик, с выговором, казалось мне, немного иностранным, знакомый с Лениным и с составом Библиотеки в его время, между прочим, спросил меня, кому было адресовано выставленное у нас письмо Аракчеева⁴⁰, в котором могучий генерал представляет себя удаленным от дел; оно было писано в 1819-м году. К сожалению, я мог только указать на Бычкова⁴¹, как на знающего вполне, какой из Sant⁴². — «Всем не угодишь», — подумал я про себя в ответ; но зато, проходя в Ларинскую залу, я услышал также за собою очень искренние восклицания: «Magnifique! Magnifique!»⁴³ Эти слова вырвались из души двух помещиков, посетивших недавно, как я заметил из разговора, Лондон, Париж и, кажется, всю Европу.

Портрет Екатерины II приводил всех в восторг.

При выходе из Русского отделения, один из духовных отцов обратился ко мне с библиографическим вопросом, отзывающимся отчасти метафизикою: «По чему (*т. е. по какому признаку. — И. М.*) у вас устанавливаются книги в шкафах наших русских автографов, к кому и по какому поводу [тот или иной автограф] написан». Я старался не упускать из вида старца, но извлек из него только одно замечание: «Библиотека при Ленине не была Публичная. Никто не приходил сюда читать, да и нечего было читать. О читателях тогда не думали». При натиске около меня я потерял моего старца уже в Рукописном отделении, хотя тщательно искал его там: видно, что он ушел прежде других и далее этого зала за мною не следовал.

В круглой зале наверху, когда я показывал материалы для письма и печати, сзади за мной послышался отзыв: «Ce n'est pas intéressé⁴⁴ — слева направо, а не справа налево?» — «Потому, я думаю, что и читаем мы слева направо». — «Но это не совсем правильно». — «Отчего?» — «Попробуйте вынуть из шкафа два или три тома: когда их обернете к себе, они будут наоборот, т. е. справа налево». — «Да какая в этом нужда?» — «Как хотите, беды от этого нет, но точность в расстановке требовала бы, чтобы книги устанавливались справа налево». Тут случился один из помощников Афанасия Федоровича, который принялся убеждать почтенного отца, что общепринятый порядок удобнее, но, кажется, отец остался при своем мнении.

Это замечание нисколько однако не ослабляло выражений удивления и признательности со стороны обоих священников, постоянно пользовавшихся сокровищами нашей Библиотеки еще в бытность их в Духовной академии.

При выходе из Библиотеки все осыпали меня изъявлениями благодарности, в особенности же, оба помещика, бывшие за границей. Они выразили мне, между прочим, их желание познакомиться ближе с Художественным отделением⁴⁵ нашей Библиотеки: я посоветовал им взять билеты для чтения вообще, а потом отнестись к Василию Ивановичу Собольщикову⁴⁶. Первый мой совет был ими, кажется, тут же исполнен.

16-го августа посетителей⁴⁷, обозревавших Библиотеку, было человек за 30: большею частью, воспитанники разных учебных заведений, несколько дам, и между ними одна хорошенькая; особенно примечательных лиц не было видно. Один господин выразил мне свое мнение на счет обхода следующим образом: «Общий обход дело прекрасное, но если бы была возможность знакомить нас каждый раз поочередно только с одним из отделений Библиотеки, то мы выносили бы отсюда, быть может, еще более». На это я ответил: «Ведь Библиотека даст полный простор каждому каждый день пользоваться ее сокровищами. Всякий занимающийся как следует имеет непременно избранную часть, принадлежащую известному отделению Библиотеки; занимаясь постоянно своим, он в то же время постоянно знакомится с тем из отделений, которое для него самое интересное. К тому же, особенным любителям науки или искусства наше начальство не воспрещает доступа в самые отделения».

Когда я толковал публике о нашем библиотечном механизме в Читальной зале, хорошенькая дама сказала мне: «Но ведь согласитесь, что трудно заниматься в большом обществе». Я ответил: «Это по характеру. Другому веселее, особенно же, когда каждый занят своим, как это у нас в Читальной зале. Впрочем, труженикам науки наше начальство открывает доступ для труда и в отделениях». — «Но ведь может случиться мало места, ежели работать у вас, не бывши особенным тружеником». — «Это бывает еще в настоящем, — хотя надо сказать, что это все же от того, что наша Библиотека, как видите, очень хороша. Но в будущем, благодаря ходатайству начальства и щедротам нашего Государя, уже обеспечены для нас все удобства и в этом отношении. Если будете жаловать к нам, надеюсь, к следующей осени я буду иметь честь объяснять Вас здесь особенности новой Читальной залы⁴⁸, которая не уступит ни одной в Европе». — «Непременно». С этим мы и раскланялись.

Публика в этот день, по-видимому, не исчезала ни в середине, ни под конец обхода. Кажется, ушли раньше только двое, и то уже из Русского отделения.

Читальный зал. Эстрада дежурного.

Гравюра П. Бореля. 1850-е г.

18-го августа⁴⁹ публики, обзоревавшей Библиотеку, было человек около 30: большею частью, все молодые люди, один иностранец и дама лет около 40 с девочкой. Иностранец просил меня толковать с ним по-французски или по-немецки, но скоро исчез. Вслед за сим, какой-то господин начал закидывать меня своею ученостью, жаль только, что все невпопад — о Реймском Евангелии⁵⁰, которого подлинник должен быть у нас, о иероглифах и т. д. Как-то пришлось мне, говоря о Фаусте, упомянуть о его двойнике в польских преданиях — Твардовском⁵¹; на это ученый господин, с своей стороны, заметил, что в германских преданиях есть рассказы, совершенно тождественные с рассказами о нашем Ильи Муромце и сослался на Гримма⁵². Можно бы думать, что подобные вещи он говорит шутя, но шутливости в лице его не было видно. Зато дамы, хотя много и не рассуждали, видно было однако, что каждый зал представлялся им новым сюрпризом и что они вынесли из Библиотеки такие чувства, которые только способен испытывать человек, вполне оценивающий все достоинства просвещения и благоговейный к власти, столь монументально его у нас упрочивающей. Я сказал: дамы, ибо девочка, сопровождавшая пожилую даму, во время обхода оказалась вполне развитою, образованною и мыслящую девицею. Не умею объяснить этого феномена: она очень небольшого роста, тоненькая, лица ослепительной белизны, живые голубые глаза, детское, но разумное сочувствие ко всему, что ни усматривала. «Вот достойный памятник великим изобретателям», — говорила она в непритворном восторге, осматривая подробности залы XV века. «Какой колорит», — заметила она, глядя на портрет Екатерины. «Странно, что у нее на этом портрете нет талии», — отозвался кто-то. — «Но ведь это изображение

полуидеальное, — возразила ему моя девочка. — Разве не видите, что это полуантичная манера и т. д.». Проходя через Читальную залу, она заметила старика, углубленного в чтение: «Вот где и старость себя не чувствует, — сказала она. — Посмотрите, вот ясное доказательство, что старость — прибавка к человеку, а не сам человек, что любящий читать не старится». Эти слова произнесены в Читальной зале тихо, но с убеждением, девушкой, имеющей вид 10-летней, когда ничего не говорит [о возможности таких мыслей], — составляют действительную необычную примечательность обхода.

В группе довольно многочисленной публики, окружавшей меня и следовавшей за мною, 23-го августа⁵³, рисовались три дамы⁵⁴, из которых к одной могли бы относиться два немецкие эпитета: *die scheue* и *die keusche*⁵⁵, — молоденькая, миленькая, умная и образованная, но все ускользавшая от моего внимания, при всем желании с моей стороны служить ей моими истолкованиями. Полячка с братом своим, студентом Медико-хирургической академии. Другую можно бы назвать *die steife*⁵⁶: она следовала за мною во весь обход машинально, без всякого выражения в лице, не говоря ни слова, но не утомлялась слушать и ходить, ибо не отстала до конца. Третья — любительница русской старины, дама лет за 30, с кавалером, — по-видимому, с мужем, врачом, сыном священника, который тут же следовал за ним, — добрый, кажется, приезжий старец, любовавшийся, как было видно, всем, всматривавшийся во все, слушавший меня и молчавший. Во весь этот обход обладание словом осталось бы, кажется, исключительно за мною, если бы какой-то господин не обратился ко мне в Отделении рукописей с вопросом: «Что это вы нарочно выставили такие дурные портреты польских королей⁵⁷?» — «Других нет» — «Как нет? — Множество!» — «Наши, большею частью, современны лицам, и потому, думаю, очень хороши». — «Но есть современные лучше». — «Мы не знаем. Будем рады, если нам кто пожертвует. Вы знаете, как трудно доставать подобные вещи». — «А я думал, в самом деле, что это нарочно». — «Библиотека не унижает никого: выставлять на смех кого бы то ни было не в ее духе и не ее дело. Она не книга, а гостеприимный приют для всех действовавших книгою, или пером». — «Я очень рад, что это не нарочно. — Что? Этот зал самый интересный?» — «Что для кого. Предстоят нам впереди залы: Художественный, Ларинский, Лингвистический». — «А XV века?» — «И XV века, если захотите проследовать за мною».

Под конец уже обхода, в Русском отделении другой господин⁵⁸, приезжий из Владимира, объявил мне, что у него есть важный отрывок какого-то синодика, который он может принести в дар Библиотеке. Эти слова я выслушал очень приветливо и одобрил его в добром намерении, посоветовав ему представлять свои приношения непосредственно Вашему Высокопревосходительству, что, как я тут же узнал от него, он уже имел случай кажется неоднократно делать. Это редактор «Владимирских губернских ведомостей».

Публики, обозревавшей Библиотеку 25-го августа⁵⁹, было человек за 25; кончивших обход вместе со мною человек до 10: несколько врачей, несколько воспитанников учебных заведений, один господин, очень почтенный, седой, с сыном лет семи и с женою, дамой, по-видимому очень образованной, и еще профессор Московского университета Орнатский⁶⁰. Последних двое, семейный господин и профессор, постоянно держались поближе ко мне, внимательно и симпатически следили за моими указаниями, но замечаний не делали. Я думал, что в настоящем отчете придется только упомянуть об них и этим заключить отчет, как услышал, наконец, от одного из них замечание, стоившее сотни всяких других. Уже в приемной зале, после обхода, седой господин благодарил меня и среди изъявлений благодарности отозвался: «Кажется, было напечатано, что все наши музеумы должны принять себе за образец Публичную библиотеку, иначе они учреждения не для публики. Побывав здесь, я вполне разделяю эту мысль и могу сказать одно, что занятия в Читальной зале — это дело особое, но выше наслаждения от общего обзора публичного учреждения в моей жизни я никогда не испытывал». На эти слова, кроме поклона, я не нашел ничего сказать, но я большим удовольствием принял их к сведению и с таким же внес в летучие строки моего сегодняшнего отчета.

Публики для обозрения Библиотеки в 1-е сентября собралось не более человек 10⁶¹. Героем обхода был граф Тышкевич, которому вчера уже я дал некоторое предвкушение по части Отделения рукописей и надеялся, что его книголюбие и теплое сочувствие в нашей Библиотеке будут вполне у нас сегодня утолнены, но, к сожалению, он как-то порасстроился здоровьем и едва был в силах обозреть вместе с посетителями Отделение рукописей. Еще в Отделении рукописей явились две дамы, которых я пригласил очень приветливо к общей компании, но за мое приветствие они заплатили поклоном и тотчас же отошли в сторону. Я не настаивал, сочтя, что они принадлежат к категории дам, к которым подходит

французское название *les prudes*⁶², тоже подчас приезжающих для обзора Библиотеки, *mois qui se Teiennent toujours à l'écart*⁶³, сколько ни стараюсь я в подобных случаях обращать на них внимание. Когда я представил таким образом этих дам их судьбе, ко мне подходит Муральт⁶⁴. «*Mais quelles donc sont ces dames qui se promènent la si solitaires?*» — «*Que ferai-je?*»⁶⁵ ответил я ему. «*Elles préfèrent de rester comme ces sont*»⁶⁶. После этого вижу, что Муральт подошел очень учтиво к этим дамам, но недолго однако оставался при них: будто гальванизмом или электрической силой, его, любителя дам, мгновенно что-то оттолкнуло от них. Выходя из Рукописного отделения, дамы однако поневоле должны были со мною поравняться: тут у каждой из них я увидел в руках по гиду. Обращаюсь к ним опять, и в ответ слышу знакомые и приятные для меня звуки, но при артикулировании которых язык мой, к сожалению, прилипает к гортани. По-французски они не говорят и не понимают: нечего было делать, берусь за английский. Мое усердие тронуло их сердца: с этой поры они от меня не отставали и поминутно наделяли меня восклицаниями: «*O beautiful, beautiful! Very beautiful! Splendid library!*»⁶⁷. Слова эти впрочем я слышал и не в глаза: толкуя со своими по-русски, я слышал, что и между собою они часто вторили: «*Splendid library! Very beautiful indeed!*»⁶⁸.

В Ларинской зале на столе было раскрыто великолепное издание Помпейских древностей. Мимоходом я обратил внимание посетителей на свежесть красок и верность рисунка римской стенной живописи. «В самом деле, удивительно! И бумага как будто сегодня сделана. Ну, римляне!» — отозвался кто-то с ополченским крестом⁶⁹. «Ведь это бумага новая, — отозвались за меня другие. — Это только копии, снимки с внутренних стен открытого Римского города»⁷⁰. Вот щепоточка соли в этот обход.

В Рукописной зале, когда я указал на одну старообрядческую рукопись, кто-то отозвался: «Прекратятся ли у нас когда-нибудь раскольники?» — «Раскол от мрака, — ответил другой. — Будет у нас настолько света, чтобы он мог проникать и в закоулки, тогда и раскол, и все, что у нас есть дурного, мгновенно исчезнет».

Англичанки с большими выражениями благодарности раскланялись со мною, приняли от меня английское приветствие, какое мог я им сказать, не только снисходительно, но в некотором отношении сердечно, и уехали; тоже сделала и русская публика, обменявшись со мною русскими приветствиями.

6-го сентября⁷¹ публики для обозрения Библиотеки собралось с небольшим человек 10: студенты Университета, один воспитанник Школы правоведения и несколько военных. Кроме того, были две дамы с кавалером, все трое тщательно от меня удалявшиеся во весь обход. Все меня окружавшие были внимательны в высшей степени, но вопросов особенных от них мне не удалось слышать: «Где помещается у нас Библиотека Залуских?» — «Какая причина названия Ларинскому залу?⁷²» — «Из какого материала сделаны статуи?» и т. д. В Рукописной зале кто-то меня спросил: «Какого рода очертание букв в Апостоле?» — «Ведь это не писаная книга, а напечатанная», — сказали другие. «Знаю, но я хотел спросить, какого рукописного образца держались наши первопечатники». На этот вопрос, естественно, я ответить не мог, но сказал, что этот вопрос очень любопытен, и что хорошо бы потолковать об этом предмете с знатоками нашей печатной и рукописной старины.

Кроме меня, ознакомлял с Библиотекой в то же время Ивановский⁷³. Его публика состояла из маленького букетца, двух или трех молоденьких, премиленьких красавиц. С ними он начал обход с другого конца Библиотеки, чтобы ничто не разведало устремленного на него внимания очаровательных его слушательниц, — и закончил Рукописным залом.

8-го сентября⁷⁴ публика, обозревавшая Библиотеку, состояла из двух посетителей, людей, как было видно по манерам, очень образованных, но особенных разговоров, кроме дела важнейшего, т. е. моих указаний и обыкновенных, но нелепых с их стороны вопросов, а с моей стороны, пояснительных ответов, между нами не было. Оба они поляки; один здешний, другой приезжий. Последний не говорил по-русски, но понимал очень хорошо мои объяснения. В заключение мы обменялись учтивостями на польском языке.

Киргизские послы, обозревавшие Библиотеку 10-го сентября, остались очень довольны и благодарны. Кроме природного ума, это люди с очень хорошим восточным образованием и как тем, так и другим, в сущности, на целую бесконечность выше сопровождавшего их пристава⁷⁵, хотя, к удивлению моему, имевшего на себе штабс-офицерский мундир и два ордена на шее. Если все в Петербурге так показывал им пристав, как хотел показать Публичную библиотеку, то едва ли с ним видели они, или хотя бы приблизительно увидят как следует, что-либо у нас примечательное. Этот человек отличается: 1) жесткостью нрава, что видно

было из интонации его голоса и приемов; 2) порядочным запасом умственного невежества, что доказал, выразив мне следующее требование, когда я сказал ему, что в Рукописном зале хранятся автографы примечательных лиц: «Покажите, пожалуйста, подпись руки Александра Македонского», — и совершенной апатией ко всему, им виденному и 3) таким же запасом нравственного невежества, ибо, когда я пригласил его расписаться в книге, он ответил иронически: «Обойдетесь без моей подписи». Вот дагерротипный портрет провожатого.

О том, что я приглашал пристава расписаться, я упомянул здесь только для некоторой полноты его характеристики. Предварительно я обратился к гостям. Тогда мой пристав стал выкликать их: «Султан такой-то! Султан такой-то!»⁷⁶, как-то помыкая ими, и напомнив мне наших допетровских приставов, о которых я читал в какой-то реляции, — правда ли это, или выдумка, — что они запирали иностранных посланников на замок и, выводя их на улицу, указывали им палкою, куда идти, а куда не идти. Я взглянул на его ордена и мундир и подумал: «Ну, братец, должно быть, ты получил все это за то, что ловко умел обдирать братьев этих киргизов». Дай Бог мне ошибиться; но кроме бойкого знания киргизского языка, ничего хорошего об этом приставе я не мог приметить.

Вызвав одного из них, он пригласил — судя же по голосу, приказал ему, — расписаться по-русски; потом прибавил: «Напишите: Султан Махмуд с товарищами». На мое предложение: 1) чтобы они расписались все и 2) на своем природном языке, — пристав оставался глух и в воле своей непреклонен. Наконец, после усиленных и нескольких раз убедительно, с моей стороны, повторенных подтверждений, что это сделает удовольствие Директору Библиотеки, он едва-едва предоставил расписаться еще двум или трем киргизам на их природном языке.

«Покажите им что-нибудь восточное, ну и все тут. Тут нечего им смотреть», — вот одно, что Пристав твердил мне в Рукописном отделении. Несмотря на то, эти киргизы, из которых главнейшие понимают русский язык и очень порядочно говорят по-русски, с участием и уважением смотрели на все, на что удавалось мне обратить их внимание. Их занимали и летопись Нестора, о котором стоявший возле меня киргиз имел гораздо более ясное понятие, нежели наш пристав, и автографы наших Государей и Сборник великого князя Святослава⁷⁷.

К счастью, наверху тотчас же мы встретили князя Владимира Федоровича⁷⁸, на котором наш пристав увидел две звезды, сделался очень смирен, почтителен к месту и безмолвен.

Проходя через Философское отделение⁷⁹, говоря о философии, как-то упомянул я и об истории. Вот как по этому поводу отозвался сопровождавший меня молодой киргиз, кажется, султан Махмуд: «Вот наука, которую я ставлю выше всех наук. Что история? Она говорит о человеческих делах, которые так пошлы и так нечисты. В философии нет нечистоты. Она рассматривает неискаженного человека, незапятнанного земными побуждениями. Стоит ли толковать о временном? Философии же предмет — неизменен и вечен».

Передавая эти слова, сказанные мне киргизом, я не соблюл его выговора; но мысли его и их порядок я заметил и передаю их здесь точь-в-точь.

Портрет Екатерины II очень понравился нашим гостям.

В Юридическом отделении⁸⁰ я сказал, что здесь книги по части законов. Тот же киргиз засмеялся и сказал мне: «Вот-вот, именно те книги, которых мы боимся?» Слова же мои, сказанные ему в ответ, о значении юридических наук были для него вовсе не новы. «Я понимаю, — сказал он, — высокий смысл гражданственности и идею законов, — бесстрастное охранение неприкосновенности всех и каждого».

В Ларинской зале я показал им дворец Альгамбры⁸¹. Куфические арабские письма⁸² они разбирали очень свободно. Потом показал им английский альбом путешествий по Нубии и Египту⁸³ и главный вид коронавания Георга⁸⁴ XVIII века.

В Отделении естественных наук Беккер⁸⁵ показал им некоторые роскошные изображения американских животных.

Обход продолжался час. Киргизы уехали в очень великолепном расположении духа и благодарили нас от сердца.

Этот обход продолжался бы, я думаю, часа два или три, к удовольствию наших добрых гостей, если бы сопровождал их пристав сколько-нибудь погостеприимнее.

Взглянув после их отъезда в Расписную книгу, я удивился, найдя в ней имя пристава. Видно, что после меня кто-нибудь уговорил его расписаться из наших.

13-го сентября⁸⁶ для обозрения Библиотеки явились только двое: один действительный статский советник с Владимиром на шее, служивший когда-то под начальством Вашего Высокопревосходительства или вместе; другой — еврей. По

том собралось человек до 10: офицеры, кадеты, студенты, дамы. Героями все-таки остались двое пришедшие вовремя.

Действительный статский советник⁸⁷ живет в Петербурге, но с 1820-го года ему не случилось быть в нашей Библиотеке. При Оленине он в Библиотеку хаживал; но не далее ее Читальной залы. Человечек в высочайшей степени вежливый, только и думающий, кажется, о том, чтобы не проронить какого-нибудь слова невпопад. Фамилии его я не мог разобрать в нашей записной книге. Самое примечательное из моих разговоров с ним было то, что он знаком с потомками Ларина, и что обещал мне выпросить для нас у его внучки или правнучки портрет ее деда, который она, как ему кажется, имеет.

Еврею очень хотелось видеть адрес евреев, поднесенный Государю Императору; разумеется, [он] должен был поудовольствоваться наружностью. Все по обыкновению, были очень довольны и благодарили меня со всем усердием.

Вчера, т. е. 15 сентября⁸⁸ во вторник, общество, обозревавшее Библиотеку, состояло из двух немецких семейств очень хорошего круга, одного священника, одного польского помещика, человека очень образованного, нескольких дам, студентов и нескольких кадетов; всего собралось, кажется, человек до 20.

Между немцами был капитан гвардии, человек очень впечатлительный в хорошем смысле, толковавший и передававший очень милым дамам мои указания и пояснения. Приехавшие с капитаном расписались очень охотно. Не отказывались и другие, но священник несколько меня озадачил своим отказом, выраженным словами, казалось мне, — хотя видно было, что он человек, сколько добродушный, столько же и неглупый, — довольно плоскими. «Я не умею писать, не умею писать», — повторил он мне два раза.

Одна из дам, но не немка, в Рукописном отделении спросила меня довольно наивно: «А где же портрет Рылеева⁸⁹?».

Других особенных вопросов и речей, кроме обыкновенных, относящихся к видимому в Библиотеке, не было.

Публики, собравшейся для обозрения Библиотеки 20 сентября⁹⁰, было очень много, были и вопросцы о каталогах и т. п., не стоящие никакого внимания. Один господин с Владимиром⁹¹ и со звездой посетил Библиотеку в этот день [в первый раз] после 20 лет. Он обозревал ее при Оленине, но кроме слов: «Нельзя теперь узнать Библиотеки», ничего другого извлечь из него я не мог. Зато одна дама

(Виноградская), обещавшая мне когда-то сфотографировать портрет Дельвига, принесла мне его срисованным рукою племянницы А. С. Пушкина. Передавая мне его, она между прочим сказала: «Барону Модесту Андреевичу вероятно будет приятен этот портрет, как воспоминание и о товарище его по Лицею⁹²».

Публики, собравшейся в Библиотеке 22-го сентября⁹³ было много, как и в прошлый раз. Особенно были примечательны молодая дама с студентом. Слов от нее я не слышал, но ее взгляды, движения, все показывало, что ей Библиотека нравится и что она нам сочувствует. Между молчавшими и слушавшими меня, нет сомнения, были люди умные. Только один или двое делали мне вопросы довольно плоские и не интересующие даже новостью своей пошлости: «Когда и где напечатаны эти рукописи» и т. п. Впрочем, кто-то еще заметил в Рукописном отделении, что большой портрет Иннокентия был бы здесь лучше.

Публики, обозревавшей Библиотеку 27-го сентября⁹⁴ было человек более 20 разного возраста и звания. Кроме того, в это же время граф Растопчин⁹⁵ показывал Библиотеку каким-то хорошеньким дамам. Были и у меня две дамы, хранившие во весь обход глубокое молчание. Кавалеры не молчали, но примечательного удалось мне от них услышать очень мало. Один спросил меня, кто такой был Остромир; другой, имеем ли мы Псалтырь гутенберговой печати и т. п. Действительно был любопытен вопрос одного молодого человека: «А из чего делают пергамине⁹⁶?».

Для обозрения Библиотеки 29-го сентября⁹⁷ собралось человек около 10. Между ними был приезжий старец, лет за 70, человек просвещенный и умный. Из вопросов, мне сделанных в этот день, был один поразительный. Когда мы подошли к портрету Екатерины II в Ларинском зале, один студент Медико-хирургической академии спросил меня: «Что же примечательного в этом портрете?».

В Русском отделении кто-то сделал заключение: «Очень было бы хорошо сделать *fac simile* с открытых листов всех этих выставленных книг».

Шкаф-стол для хранения эстампов

Станок с вращающимися витринами

Гравюры П. Бореля. 1850-е г.

4-го октября⁹⁸ публика собиралась для обозрения Библиотеки на оборот против обыкновенного: вместо того, чтобы умяться, она постоянно умножалась к концу обхода. Так что в Рукописном отделении было сначала человек 10, потом до 20, наверху до 30, в нижнем этаже до 40, если не более; впрочем, она стала увеличиваться еще до выхода из Русского отделения. По обыкновению, были люди всех званий и сословий, кроме крестьянства и духовенства. Была также дама с двумя девочками. Лично для меня приятна была встреча с Смышляевым⁹⁹, с которым я провел когда-то довольно весело некоторое время в Париже. Теперь он человек степенный, женатый и издатель «Пермского сборника»¹⁰⁰. Все возглашали: «Прекрасно! прекрасно!», но подробнее не отзывался никто. Наконец, уже в Русском отделении, один господин меня спросил: «Скажите, что же Вы делаете против пожара?» — «Пожар у нас невозможен». — «Как?» — «Да так». — «А если соседний дом загорится?» — «Мы и его потушим». — «А полы-то могут загореться: паркет хорошо, но лучше бы сделать здесь пол каменный или мраморный». — «Извините, мы очень рады, что у нас пол деревянный. Ведь мраморные шкафы делать нет никакой надобности, и беды от этого дерева нам не грозит ни какой». — «Да, если вы не боитесь пожара». — Вот единственный эксцентрический разговор мой в этот день с каким-то практическим, немолодых лет господином.

К отчетцу за вчерашний обзор (7 октября. — И. М.) предположу несколько объяснительных слов касательно моего разговора о пожаре в прошлое воскресенье, так как разговор этот был мною передан слишком эллиптически.

Господину, спросившему меня насчет наших предосторожностей, я сказал, что пожар у нас невозможен, отвечая же на вопрос его «Как?», я выставил в моем отчете слова: «Да так», заменяющие мои объяснения, сделанные ему тогда насчет нашего способа нагревания Библиотеки. Господин после этого, убедившись, что пожар *изнутри* у нас невозможен, выразил свои опасения на счет пожара от *соседей*. Тогда, сказав шутливо, что мы потушим пожар и у соседей, я опять ему объяснил, что мы имеем свои трубы. Услышав и с этой стороны мою защиту, он перешел к тому, что и пол вышел столько же находящимся быть в опасности, сколько стены.

Вчерашний обход был примечателен, главное, генералом, бывшим в старые времена в Библиотеке, ныне же посетившим ее уже во второй, если не в третий, раз после ее возобновления¹⁰¹. Между прочим, он отозвался: «Да, нечего сказать: Барон (М. А. Корф. — И. М.) соорудил себе памятник». — «Соорудил и сооружает, — сказал кто-то. — Постойте, мы увидим читальную залу, увидим, Бог даст и еще, и еще». — «А теперь разве не видим? — сказал еще кто-то. — По каким частям вы не находите нужных в Библиотеке книг? Все замечательные сочинения есть». — «Дай Бог ему сил и веку, — сказал опять кто-то». Слова эти радостно было слышать в кружке сопровождавших меня вчера. Зато ничего более примечательного я и не слышал, кроме разве что позади меня кто-то выразился, как бы продолжая наш разговор, но, казалось мне, с некоторого рода сожалением: «Не выдаются романы». Я оглянулся и увидел молодого человека, прилично одетого, и прибавил к его словам: «Не выдаются без разрешения Директора, но с разрешения выдаются».

В числе публики, не очень многочисленной, сопутствующей мне при обозрении Библиотеки в 11-е октября¹⁰², первенствовали две молодые, прекрасно образованные дамы, немки. Правда, отзывы их ограничивались словами: «Schön, wunderschön, interessant¹⁰³» и т. п., но живое сочувствие с их стороны к Библиотеке и ко всему, ими примечаемому, для меня было необыкновенно приятно и ободрительно. В заключение одна из них отозвалась: «Вы умели сделать этот осмотр так интересным и так для нас памятным, что уже не знаем, как благодарить Вас». — «Извините, — сказал я, — это не я, а Библиотека». — «Но только через вас

мы увидели и насладились ею как следует». На эти слова я сумел только поклониться.

Из числа других посетителей один студент Университета сделал мне вопрос, какие предосторожности принимает мы против насекомых и червей. — «Хорошо обогреваем, как видите, Библиотеку».

Героем обхода 13-го октября был капитан морской службы, много видевший света, выдавший такие музеумы и галереи в Неаполе, Лувре и т. д., сам же по себе образец просвещенного светского человека со всем прямотушием моряка, выражавшемся в самом его виде и незначащих словах. Он живет несколько десятков лет в Петербурге и давно уже слышит о Библиотеке, а все ее не видит. Наконец, совестно ему стало. Результат посещения, в его мнении, тот, что он приехал не напрасно и что все, им слышанное в продолжении нескольких лет, гораздо ниже того, что он увидал на деле.

Француз (Mr. Barery), мною приглашенный и бывший вследствие этого виной нескольких минут моего промедления, отозвался: «*Mais vous avez une Bibliothèque diablement bien montée. Mais, on, c'est une belle Bibliothèque*¹⁰⁴».

18-го октября 1859-го публики¹⁰⁵, собравшейся для обозрения Библиотеки, было довольно много. Была и дама, очень миленькая, жена моего парижского приятеля Смышляева¹⁰⁶. Обход продолжался часа два. Первый раз я захватил умышленно карандаш и бумагу, предполагая постараться всеми силами сделать мой отчетец в этот день, по мере возможности, интереснее. При всем том, мне не удалось поймать со стороны ни одного слова. Причины я сперва не понимал и было для меня это странно, но вспомнив весь процесс моего обхода, вижу, что на этот раз, естественно, я не имел возможности слушать, и следовательно, слышать, ибо все говорил, а не говорить опять не мог, так как общее поэтическое настроение этого дня в Библиотеке, хотя и не выразилось у меня особенно на бумаге, но все же должно было выразиться. Оно выразилось от меня в эти два часа моей вдохновенной речью, раскрывавшей слушателям во весь обход уши, но зато закрывшей им уста. Судя по лицам, слова мои прямо входили в душу; это высказывалось и в выражениях живой благодарности, разумеется, относившейся ко мне только номинально, которую я принял также душевно молча, как и говорил душевно. Все остальное время зато до самой ночи я был нелеп.

20-го октября собралось для обозрения Библиотеки публики человек около 15¹⁰⁷. Примечателен был пожилой господин с Владимиром на шее, тщательно следивший в Рукописном отделении за всеми нашими драгоценностями, открытыми общему воззрению, и обращавший на них внимание своего сына, молодого человека лет 15-ти. Этот господин, к сожалению, далее Рукописного отделения за мною не следовал, остальная же часть обхода не представляла ничего особенного. Между посетителями был отец одного славного мальчика, наставляемого мною в латинском языке, Вонлярлярский¹⁰⁸, которого Ваше Высокопревосходительство, кажется, знает.

В Рукописном отделении некто, кажется, из купечества, обратился ко мне с вопросом, не новым по содержанию, но выраженным в новой форме: «Скажите, сделайте милость, как давно напечатано Остромирово Евангелие¹⁰⁹?» — «Лет около 15-ти». — «Знаю, но первое издание, издание Остромирово? Когда было напечатано?» — «Только одно и было, сколько мне известно, издание Востокова¹¹⁰, да еще неудачная перепечатка Ганки¹¹¹». — «Я не о том спрашиваю, извините меня. Остромир-то, когда печатал свое Евангелие?». — «Он его не печатал — тогда не знали еще печати, — а писал для него это Евангелие диакон Григорий. Это было в XI веке и т. д.». — «Аа! — Покорнейше Вас благодарю. Извините, пожалуйста».

Хранилище рукописей. Гравюра П. Бореля. 1850-е г.

Из многочисленной публики, собравшейся для обозрения Библиотеки 25-го октября¹¹², никто не сказал мне ни слова, которым я мог бы воспользоваться для настоящего отчетца. Дамы бывают словоохотные, но и они в этот день — их было две — хранили строгое молчание. Спасибо какому-то молодому офицеру, по-видимому, очень недавно вышедшему из

Корпуса¹¹³: он один дал мне возможность несколько поотвести душу. Этот офицерик очень добродушно выпросил у меня всю азбуку библиотечную. «Всем ли позволено у нас читать? Где достать билет? Можно ли вытребовать в Читальную залу весь каталог Библиотеки? и т. д.». С некоторого времени я нарочно стал захватывать с собою в день обхода карандаш и бумагу; но, видно, и в этот, и в прошлый раз вышла молчаливая полоса. Впрочем, молчанию окружавшей меня публики могло способствовать мое может быть излишнее говорение.

С некоторыми опоздавшими я обошел вторично Отделение рукописей и пригласил их расписаться.

Малочисленное общество, собравшиеся для обозрения Библиотеки 27-го октября, состояло большею частью из студентов Университета, молодых людей, очень внимательных и любознательных, в числе их было несколько моих университетских слушателей.

Один из посторонних слушателей спросил меня в этот день: «Все ли новые книги получает Библиотека из-за границы?». — «Все примечательные». — «А я спрашивал Причарда¹¹⁴ на французском языке, но мне его не выдали». — «Значит: или этой книги нет в Библиотеке, или она читается». — «Но ведь есть у нас ее подлинник, да выходил ли в свет перевод Причарда?». — «Выходил, мне сказывал профессор Срезневский¹¹⁵». — «Очень жаль, но согласитесь, что перевод европейского сочинения на европейский язык не относится к особым примечательностям. Впрочем, Библиотека по мере возможности старается иметь и переводы знаменитых сочинений».

Вчера (28 октября) я обошел Библиотеку, с наслаждением показывая ее одному приезжему из Москвы в сообществе одного помещика, живущего обыкновенно в Петербурге. Москвич имеет чин действительного статского советника, человек пожилой, с отличным образованием и знаком с Соболевским; только это умею сказать о нем, да еще то, что я видал в нем непритворное чувство радости, возбужденное в нем всем им виденным. Он бывал в Библиотеке при А. Н. Оленине.

Сопутствовавший нам помещик также сочувствовал Библиотеке, но выразил мне крайнее огорчение свое за то, что Библиотека отвергла, как он выразился, редкий портрет Шекспира на стекле¹¹⁶, который он просил ее когда-то принять от себя в дар. Как ни старался я привести понятие его в этом отношении в нормальное положение, но он остался при своем.

Публика, собравшаяся для обозрения Библиотеки 1-го ноября¹¹⁷, была очень многочисленна, — казалось, человек до 50. Между ней выдавались два семейства: немецкое и русское, оба хорошего тона. Любопытного ничего не удалось услышать, зато накануне этого дня, обводя графиню Толстую, жену президента Академии художеств¹¹⁸, я приобрел для Библиотеки, если она сдержит слово, вещь примечательную: она обещала мне выпросить у мужа целое письмо к нему, написанное рукою Меттерниха¹¹⁹. Вообще обход с графиней для меня внутренне составлял радость с той стороны, что она видела и наслаждалась в нашем книгохранилище такими предметами по части искусств, которых муж ее, долгое время бывши начальником Академии и сам будучи художником, не мог однако приобрести для Академии художеств. Два художника, приехавшие с нею, указывали ей и дочери¹²⁰ на детали виденного.

Вчерашний обход (2 ноября. — И. М.) был примечателен двумя дамами хорошего круга и каким-то господином, любителем искусств¹²¹, — по-видимому, приехавшим из провинции, часто мимоходом вставлявшим свои мнения об искусствах и хоть не сказавшим ничего для меня примечательного, но говорившим впопад и дельно, — прибавлю еще: не согласившимся записать своего имени. За другую уже половину обхода, в Ларинской зале, одна из дам сказала: «Все, что мы видим, касательно устройства и богатства Библиотеки, действительно прекрасно, но архитектора¹²², который строил эту половину Библиотеки, я бы произвела в каменщики». — «За что?» — «Разве вы не видите, что в ней нет ничего изящного? Вынесите отсюда портрет Екатерины II, и этот зал будет чистый сарай». — «Да, сказал я ей, надо согласиться, что этот прекрасный зал прежде имел вид сарая». — «Можно однако успокоиться, — возразила другая дама. — Книги и все, что мы видим здесь, заставляет всякого забыть об архитекторе». Внизу первая дама опять заговорила: «Как ему (т. е. архитектору) было не совестно строить для книг подвалы? Я удивляюсь, как вы делаете, что здесь не сыро?». Другая дама, услышав во второй раз замечание своей подруги, обратила ее внимание на русскую старину, здесь выставленную, на портрет Державина¹²³ и т. д. «Потому-то и досадно, — сказала первая, — что дух отличного организатора принужден созидать здание света на почве, которая для него подготовлена так бездарно и так бессовестно».

Вот приговор строившим здание Библиотеки из уст дам по истечении нескольких десятков лет.

Публика, собравшаяся для обозрения Библиотеки 8-го ноября, состояла человек из 14. Между ними был наш возлюбленный В. В. Бауер¹²⁴ с двумя своими братцами¹²⁵, несколько светских кавалеров, два-три воспитанника разных школ и одна дама, приезжая из Пензы. Один кавалер время от времени делал свысока разные замечания и антиципировал то, что еще предстояло ему видеть. Приведу по образчику того и другого: «Все же написать каталоги было бы достойно». — «А залу Людовика XVIII (т. е. инкунабул) увидим?». Зато нельзя было беседовать без удовольствия с приехавшей к нам в этот день дамой. Она более слушала и смотрела, нежели говорила, из слов же, сказанных ей, не было ни одного, которое не выражало бы ее искреннего внимания к нашему учреждению и самого искреннего сочувствия к тому, что она видела. Были также и замечания с ее стороны, или, скорее, желания. «Знаете, что мне приходит в голову, — сказала она мне, проходя чрез Историческое отделение. — Снимки с великолепных антиков, украшающие пройденную нами половину этого этажа Библиотеки, совершенно у места: кроме украшения, каждый из них выражает ту или другую идею содержимого в Библиотеке. Но теперь, по мере того как мы идем далее, для меня, если сказать правду, как-то выходит странно, что не вижу более украшений, им соответствующих. Но знаете ли, что я еще думаю. Статуи родоначальных виновников всего этого книжного мира у вас находятся на дворе: они помещены на фасад здания очень кстати. Мне кажется, однако, что было бы очень недурно, если бы они играли какую-нибудь видную роль и в залах Библиотеки. Впрочем, если бы я строила Библиотеку, то я бы пометила прекрасные бюсты или статуи классиков в Отделении, где помещаются греческие и латинские книги; в Отделении философском — бюсты Декарта, Бэкона и т. д. В Историческом отделении отчего бы не развесить прекрасные [написанные] масляными красками в хороших рамках портреты Нибура, Герена, Гизо, Маколея и других знаменитых историков и т. д.». — «Деньги, деньги для этого нужны», — одно я мог ответить.

Зал XV века привлек ее в неописанный восторг в самом зале, но выходя из него, она также сделала замечание: «Как вы хотите, а надо, чтобы здесь была статуя, по крайней мере, Гутенберга¹²⁶. Некоторая теснота и видимый, — разумеется, искусственный, — беспорядок могли бы характеризовать еще более кабинет вообще ученого, особенно же того времени. Я бы тут нагромодила ящериц и т. п., поставила бы даже человеческий череп, поставила бы даже какой-нибудь

алхимический снаряд, — ведь Фауст был алхимиком. Все это вместе с книгами изобретателей книгопечатания воссоздавало бы еще более их земной быт и достигало бы еще более цели — соорудить этим великим труженикам памятник, какого до сих пор еще не соорудило им человечество, которое стольким им обязано».

10-го ноября¹²⁷ публики, собравшейся для обозрения Библиотеки, было необыкновенное множество, — не менее, казалось, человек 30. Между ними были три семейства с дамами хорошего круга. Обход шел прекрасно, своим порядком; прошло уже за ½ часа, как начал я беседовать с нашими гостями в Рукописном отделении и мне показалось время пригласить их к дальнейшему обзору, — в эту минуту входит мать с молоденькой дочерью и еще одна дама вместе с ними. Чтобы дать возможность опоздавшим сколько-нибудь восполнить пропущенное ими, я обратил их внимание на автографы, казавшиеся мне более интересными, и пригласил вместе с другими к дальнейшему обходу, намереваясь, смотря по времени, предложить им осмотреть со мною Рукописное отделение наново по окончании обхода. Молоденькая дочь, увидав по моему указанию автографы наших литераторов, отозвалась: «Это черновые их бумаги». После надлежащего объяснения этих *черновых бумаг*, когда я двинулся из Отделения русских рукописей, мать обратилась ко мне с просьбою: «Пожалуйста, для нас главное альбомы: покажите нам альбомы». — «С большим удовольствием, по мере возможности. Мы будем во всех Отделениях библиотеки». Вошли мы в Ларинскую залу. Чтобы сдержать слово, вынимаю коронацию Георга IV, показываю: все всматриваются и любят, мать же молоденькой дочери говорит мне: «Очень хорошо; но вы не то нам показываете: мы приехали для альбомов. Вы хотели нам показать альбомы». — «Под альбомом я понимаю красивые изображения: я и показываю один из таких альбомов. Есть у нас их множество: показать другие, при всей моей готовности, я не имею права. Можно отнестись с просьбою об этом к директору». — «Нам только нужны альбомы: мы ожидали, что вы нам покажите альбом, поднесенный евреями Государю в день коронации». — «Это не альбом, — ответил я, — а адрес. Он находится не здесь, а в Рукописном отделении, в зале, в котором мы уже были, с которого мы начали обход. Но вы все-таки не могли там увидеть более как переплет этого адреса: он заперт в шкафу и раскрывается не иначе, как с разрешения директора»¹²⁸. — «Мы только за этим приехали. А кто директор?». — «Барон Модест

Андреевич Корф. Можно написать к нему письмо или прошение и отдать дежурному чиновнику. Если вам будет угодно сделать это, то Вы получите ответ в самом скором времени». — «Где директор живет?». — «Там же». — «Мы только за этим (т. е. за альбомом) приехали». — «Очень жаль». Сказав это, я начал продолжать мои объяснения окружавшей меня публике и стал приближаться к портрету императрицы Екатерины, как, оглянувшись, вижу, что матери с дочерью и третьей дамы в зале нет. «Ах, что за бессовестные эти дамы, — произнес с негодованием, заметив мое удивление, стоявший в то время подле меня полковник в сообществе дам с ним приехавших. — Приезжать в Библиотеку только за какими-то альбомами, о которых не знают сами, и еще сердиться! Маленькая ведь заплакала от злости». — Эти слова кольнули меня в сердце, и я попросил окружавших меня сказать по совести, не было бы произнесено мною что-либо оскорбительное для этих дам, поспешивших уехать из Библиотеки. Окружавшие в ответ мне стали кто удивляться сбежавшим дамам, кто смеяться над ними. Фамилия их, если не ошибаюсь, Енгельгард. Я испытал в тот раз, что можно извлечь слезы из глаз хорошенькой девушки даже тем, что не сделаешь для нее, чего нет сил сделать, и что было бы, если бы я в той же мере оказался перед нею виновен, быв лично знаком с нею!

Публика, обозревавшая Библиотеку 15-го ноября¹²⁹, состояла из человек около 10 хорошего общества, между ними было польское семейство. Из вопросов, на которые в этот день приходилось мне отвечать, был только один, отзывающийся некоторой оригинальностью. «Увидим ли мы Краледворскую рукопись¹³⁰?» — спросил меня какой-то офицер, казалось, артиллерийский. «Подлинник ведь не у нас, а печатное издание не редкость». — «Как? Эта рукопись не у Вас?».

Когда с моими посетителями был уже я уже в Ларинской зале, вижу приближающийся ко мне целый рой молоденьких хорошеньких девушек; это были воспитанницы какого-то частного пансиона с его содержательницей и двумя молоденькими дамами; пансионерок было 7 или 8 девиц от 14-ти до 15-ти или 16-ти лет возраста. Кончив обход, я пригласил их в Рукописное отделение, показал им, по мере возможности, все примечательное в нем и в заключении угостил их адресом, поднесенным Вашему Высокопревосходительству воспитанницами Смольного монастыря¹³¹. Было уже три часа, когда мы вышли из Рукописного отделения. Мы распростились очень приветливо и я пригласил эти невинные существа приехать еще раз в нашу обитель в одно из воскресений ровно к часу. Обещали.

17-го ноября¹³² героями моего обхода были два генерала: генерал-суперинтендант¹³³ и генерал-лейтенант¹³⁴, если верно я запомнил чин последнего, оба люди в высшей степени любезные, любознательные и образованные. Обход мой в этот день продолжался слишком два часа, но ничего особенного не удалось услышать. Генерал-суперинтендант обещал подарить нам экземпляр редкого Евангелия на польском языке, кажется, протестантской редакции, уцелевший от отбоя фэ¹³⁵, произведенного на нем иезуитами за опечатку в одной из глав от св. Евангелиста Матфея. Эта опечатка состоит в том, что вместо слов: *kuszony od djavta*, искушенный от сатаны (т. е. сатаню), в подаренном нам Евангелие стоит: *kuszony do djabta* (т. е. к сатане); говорится о Спасителе.

Приехав в Библиотеку в первом часу¹³⁶, я уже нашел многочисленную публику, любовавшуюся привезенными к нам драгоценностями, при ревностных пояснениях Тишендорфа¹³⁷, вспомоществуемого Беккером¹³⁸ и Муральтом; своего обхода я не начинал, однако, ранее положенного времени. Некоторые из приехавших также дожидались со мною часа и держались меня, хотя дверь Рукописного отделения была отворена настежь и мы видели, что находилось там множество публики. Гостям моим и я, с моей стороны, рассказал о привезенных сокровищах и указал на примечательнейшие, — потом, перейдя к обыкновенному обзору, пользовался слушанием обыкновенного зрелища¹³⁹ (посетителей было не менее ста человек), приглашая всех по мере возможности расписаться. Жатва в этом отношении была обильная, но зато ничего особенного ни от кого не слышал, хотя обход мой по залам Библиотеки продолжался не менее полутора часов в сопровождении не менее 60 или 70 человек. Одно только я заметил, что все посетители были необыкновенно веселы и слушали меня с напряженным вниманием. Это, естественно, придавало более силы моему голосу. В числе обходивших со мною был А. Гер. Левшин¹⁴⁰ с дочерью и еще одну дамой. Мы условились с ним, что в ближайшую среду во втором часу он приедет в Библиотеку с другою дочерью.

Во вторник, т. е. 24-го ноября¹⁴¹, публика, обозревавшая Библиотеку, была довольно многочисленна, но предварительно осмотренные ею Тишендорфовские драгоценности будто спарализировали дар рассуждать у всех и каждого из сопровождавших меня в общем обходе. Были четыре дамы, две средних лет и две молоденькие. Чувства дам впечатлительные, подумал я, и потому мимоходом старался извлечь хоть что-нибудь из них, но не извлек ничего ощутимого: пожилые

оставались неподвижны, молоденькие же дарили меня каждый раз, по мере моих слов, очаровательной улыбкой, более или менее выразительной, всегда ответной, и при всем том, для моей цели вовсе бесполезной. Один из кавалеров своими вопросами беспрестанно заскакивал вперед, но подобное явление при обходе Библиотеки не было ново и не представляло никакого интереса. Все это было причиной, что я отложил мой отчетец до вчерашнего дня, т. е. до среды в ожидании, что Левшин и дочь его, с которыми я обещался обойти Библиотеку в этот день, доставят мне хоть какой-нибудь материалец.

Вчера [в среду] были Левшины, но так же как и публика, сопровождавшая меня во вторник, ощутимого, уловимого для пера, не доставили мне ровно ничего: они выразили искреннее сочувствие всему движению Библиотеки, говорили о долге благодарности со стороны общества виновнику этого движения, виновнику всех результатов этой деятельности, но все это звучало прекрасно и прекрасно читалось на лицах посетителей, повторить же это на бумаге невозможно, как неповторимы звуки импровизированной музыки, хотя они и льются прямо из души художника. Нечего делать: ограничиваюсь сказанным в надежде, что в ближайшее воскресение публика подарит меня каким-нибудь словесным рубинчиком, бриллианцем или хоть каким-нибудь антиком, которого сообщение будет иметь более новости и интереса.

В воскресение, т. е. 29-го ноября¹⁴², многочисленная публика меня сопровождавшая, была так же бережна на особенные замечания, как и 24-го. Только в Отделении восточных книг, когда я вынул печатное издание Корана в подлиннике, предлагая сравнить мысленно объем этой книги с рукописным миниатюрным экземпляром того же Корана, виданным Публикой в Отделении рукописей, один господин, приосанясь, спросил меня с выражением немалой уверенности в себе и своих знаниях: «В самом деле это полный Коран? Вы уверены, что в нем решительно все суры (т. е. главы)?» — «Решительно весь».

В прошлое же воскресение или субботу А. Ф. Гильфердинг¹⁴³ просил меня, чтобы принять в Библиотеке в понедельник в 11 часов утра его молодую жену¹⁴⁴ и несколько дам его знакомства (княгиню Черкасскую, Шиншину и т. д.). Так как в этот час я должен был читать лекцию в Университете, то, приехав в Библиотеку перед лекцией, я попросил Ильина¹⁴⁵ и через него Сергея Ивановича¹⁴⁶ встретить моих дам и походить с ними до моего возвращения. Дамы приехали аккуратно в 11 часов, кроме Шиншиной, вместо которой была Эйлер и еще молоденькая девица.

Возвратясь из Университета в 12 ½ часов, я нашел их наверху в разгаре наслаждения от всего виденного ими, и Сергея Ивановича, разгуливавшегося перед ними потоками самого одушевленного и кипучего красноречия и любезностей. Скоро присоединились к нам Стасов¹⁴⁷ и Беркгольц¹⁴⁸: последний особенно старался быть гостеприимным к г-же Эйлер, — первый же, приглашенный мной и Сергеем Ивановичем, всю душою занимал княгиню Черкасскую, с которою оказалось, что был знаком, — и других дам.

Только простился я с дамами вчера часу в 1 ½ внизу, как вижу — идет ко мне навстречу новая, очень милая, знакомая дама — Веневитинова¹⁴⁹ с сыном¹⁵⁰. «Можете ли показать нам Библиотеку?» — «Как же не могу? С величайшим удовольствием». — «Рукописное отделение я уже видела». Мы обошли всю Библиотеку. Энтузиазму, сочувствию, удивлению не было меры. Все это выражалось вполне натурально, свободно и искренно; но были и замечанья. Я упомянул некоторые из них; два первые, которые приведу здесь, кажется, до излишества гуманны.

«Это у вас слуги?»¹⁵¹ Как же можно, при столь прекрасной обстановке, одевать их так дурно?». Я спорил, что наши слуги одеты порядочно, но она осталась при своем мнении, именно, что одеяние их не соответствует достоинству Императорской [библиотеки], и при том такой, какова она есть.

Увидев солдата, караулящего в Читальной зале, наша гостья обратилась ко мне с выражением особенно удивления: «Что это за несчастный? Неужели он должен тут вечно стоять?» — «Они меняются». — «И все же стоят. Отчего ему нельзя сидеть?» — «Да при том одеянии. Я думаю, они могут и сидеть, да сами не хотят. Они привыкли». — «Дурная и унижительная привычка, если она есть, но ведь места для сидения этому несчастному у вас не полагается».

Проходя по разным залам и любясь разными нашими выставками и порядком, она вдруг почувствовала необыкновенную сухость воздуха: «Это нужно для книг», — сказал я. — «Но ведь во всем должна быть мера, возразила моя гостья. Теплу же следовало бы быть равномерным по всем залам. У вас не то. Отчего же у вас нет по залам градусников? При градусниках, если только есть кому за ними смотреть, небрежность в нагревании домов невозможна». — «Градусники у нас есть», — сказал я, но не умел указать, где. — «Согласитесь, что они должны быть во всякой зале и на виду, возразила она мне со всею добротой. Я потому придираюсь ко

всему, — сказала она мне после этого, засмеявшись, — что воображаю себя очень практической, у вас же все существенное так безупречно и безукоризненно хорошо».

Когда я сказал ей о будущей нашей Читальной зале — «Ах, берегитесь этих разбойников-архитекторов!» — воскликнула она. — Если только смогут, они украдут непременно половину ваших денег. *C'est sont des brigands vrais brigands!*¹⁵²». Я сказал: «У нас не украдут. Наше начальство смотрит зорко и имеет своих архитекторов. В свой карман никому сорвать не придется; вся сила в том, что надо, чтобы эта зала была по возможности вполне хороша».

Был разговор также в библиотеке покойного брата¹⁵³ нашей милой гостьи. Она выразилась, что очень желала бы знать, каких недостает у нас книг, находящихся в его библиотеке. В ответ я сказал ей, что кажется есть у нас все; впрочем, я обещался доставить ей самые точные сведения. «Приезжайте к нам обедать в четверг: взамен я вам покажу нашу миниатюрненькую библиотеку». Я поблагодарил и обещал приехать. После этого мы вошли из залы Естественной истории в Читальную залу, где встретили мужа моей дамы и генерал-адъютанта барона Корфа¹⁵⁴. Обход таким образом был кончен.

Обзор 1-го декабря¹⁵⁵ был для меня приятен любезным обществом дам, как переданных попечению моему князем Владимиром Федоровичем¹⁵⁶, так и других, незнакомых, но извлечь из них не удалось мне на этот раз ничего. Из кавалеров один спросил меня: «Где же ваш знаменитый зал с полом из гуттаперчи¹⁵⁷?». Другой спросил с чувством, казалось, некоторого неудовольствия, когда я пригласил его расписаться: «Скажите, какая цель этих расписок?». — «Цель имеет в Библиотеке память о Вашем к ней внимании». — «А! Если это так, то охотно распишусь хоть десять раз». — Третий спросил меня: «Где у вас Синодик Грозного?», на что я не сумел ему ответить, впрочем, посоветовал отнестись к А. Ф. Бычкову. Других вопросов не делал никто, и только продолжали все меня слушать.

6-го декабря¹⁵⁸ до начала обхода какой-то господин с Владимиром на шее подошел ко мне с радостным видом и говорит: «Я сдержал слово: вы имеете теперь портрет». Я поблагодарил его очень учтиво, но не мог сразу вспомнить, когда он обещал нам портрет и какой. «Портрет Ларина. Родная внучка охотно жертвует в Библиотеку прекрасный его портрет. Она не знает только, как распорядиться, кому его отдать». После этих слов я удвоил любезному гостю выражения моей

благодарности и обещал ему сам съездить к внучке достойного Ларина. Он сообщил мне ее адрес.

Портрет П. Д. Ларина. 1818 г.

Худ. Волков Р. М.

Этот господин — д[ействительный] с[татский] с[оветник] Заика, бывший, кажется, в прошлом году в Библиотеке, еще игравший, как я вспомнил после, некоторую роль в одном из моих отчетцев, внука же Ларина — Наталья Васильевна Евдокимова¹⁵⁹, имеющая собственный свой дом у Семеновского моста.

Г-н Заика был в Библиотеке с двумя дочерьми и еще с дамой; кроме них было человек около 20 посетителей; но обход, со стороны публики, был для меня в этот день примечателен только радостно объявленной мне вестью о приятном пожертвовании Библиотеке. Портрет Ларина, по словам г-на Заики, очень хорош. Г-жа Евдокимова имеет два портрета своего деда: большой и малый. Нам она жертвует большой.

Сам г-н Заика предложил принести нам в жертву маленькую библиографическую редкость, в случае если она у нас не находится: «Журнал пребывания Государя Императора в Бородине и Вознесенском», две книжки, одна по-русски, другая по-французски (для короля Прусского). Эти книжки были напечатаны, по словам г-на Заики, в количестве пяти или шести экземпляров.

Несколько посетителей спрашивали меня, могут ли они видеть Тишендорфовские древности.

Публика, обозревавшая Библиотеку 8-го декабря, была довольно малочисленна и молчалива, но любознательна, вследствие чего обход мой с ней продолжался около двух часов. Под конец уже обхода явился приезжий университетский мой товарищ, Ригельман¹⁶⁰, славист, человек очень просвещенный

и с немалым состоянием. Показав ему после обхода Рукописное отделение, я пригласил его приехать еще раз в Библиотеку, чтобы насладиться ее обзором как следует.

При выходе из Отделения естественной истории в Читальную залу тронули меня слова какого-то студента Медико-хирургической академии: «Вот самое любимое мое Отделение: в нем сходятся все Отделения, все отрасли знаний. И входишь сюда и выходишь с чувством особенной благодарности: входишь, имея здесь полный простор поучиться, — а выходишь, поучившись вволю. Если даже и имеешь все средства, то этой залы все-таки нельзя променять ни на какие домашние удовольствия: во-первых, тут никто не помешает, и во-вторых, тут чувствуешь себя совершенно в своем элементе. Постоянный вид как работают другие каждый раз придает здесь новую бодрость и новые силы к труду».

В понедельник я был у Натальи Васильевны Евдокимовой, выразил ей благодарность за готовность пожертвовать нам портрет ее деда, сказал ей, что уже довел об этом до сведения Вашего Высокопревосходительства и уверил ее, что этот дар искренно порадует и начальника Библиотеки, и все ведомство. Старушка была, казалось мне, очень растрогана всем этим. В заключение я пригласил ее приехать осмотреть Библиотеку: обещалась приехать в ближайшее воскресенье. Она вдова полковника, имеет очень хороший свой дом в Петербурге и деревне за Гатчиной. По всем внешним признакам живет очень скромно.

9-го декабря¹⁶¹ я показал Библиотеку семейству Д. В. Поленова¹⁶², в числе которого была его, или жены его, мать, родная племянница¹⁶³ Державина по второй его жене, если хорошо я упомянул это родство, — кажется, Львова. Она была в Библиотеке только один раз — в 1808-м году, и показывал ей тогда Библиотеку Державин. Женщина пожилых лет, но живого характера и с отличным образованием. Можно себе представить впечатление, произведенное на нее теперешней Библиотекой. Она припоминала и узнавала некоторые залы. Эта гостья обещала достать нам знаменитый портрет Державина¹⁶⁴ работы Тончи¹⁶⁵, но просит об одном условии: так как этот портрет висит теперь у ее родных рядом с портретом его жены, то [надо], чтобы и в Библиотеке не разлучали их, и поместить их также [следует] рядом. Бедный Дмитрий Васильевич¹⁶⁶ на другой день слег в постель.

13-го декабря, в воскресенье, публики, обозревавшей Библиотеку, было такое множество, что каждый зал, по мере перехода из одного в другой, казался мне

совершенно наполненным посетителями: их было, по глазомеру, до 70 или более человек. В этой волне стекшегося для того чтобы насладиться взглядом на наши сокровища общества я заметил П. И. Гаевского, бывшего директора департамента Министерства народного просвещения, в сюртуке и без малейшего знака отличия, видимо, державшего себя поодаль. Толкуя с окружающими меня дамами и кавалерами, время от времени я старался обращать внимание бывшего директора Народного просвещения на разные предметы и порядки нашей Библиотеки и с внутренним наслаждением извлекал каждый раз из него те и другие выражения одобрения его и сочувствия ко всему в нашей Библиотеке произведенному: мне хотелось, чтобы он подумал, хотя, разумеется, он этого не подумал: «Да и мы в эти десять лет способствовали всему этому, и мы во всем этом участвовали — отрицательно, т. е. участвовали тем, что не могли участвовать». Из определительных замечаний он сделать только одно: «При таком отличном устройстве жаль, что у вас недостает одного — это портретов русских литераторов¹⁶⁷. Ждешь как-то здесь увидеть изображения всех представителей русского просвещения и словесности. Кажется, только этого здесь недостает, а было бы очень желательно и у места».

На портрет Ларина все засматривались с приметным чувством уважения и те, которые дошли со мною до его залы, казалось, не хотели уже с ним расстаться. «Где-то вы его повесите?» — говорили потом одни. «Вероятно, барон снабдит его отличной рамой», — говорили другие. «Его бы только вымыть и покрыть лаком», — отозвался третий. Кто-то сказал также: «Нельзя трогать портрет Екатерины, но Ларину настоящее место было бы здесь, а портрет императрицы можно бы перенести в ту часть здания, которую при ней начали строить». «К какому принадлежал сословию Ларин?» — спросил наконец кто-то. — «Он был из купечества», — сказал Гаевский.

При прощании какой-то господин высокого роста и пожилых лет с такой теплотой благодарил меня и с таким чувством пожимал мне руки, что мне стало перед ним совестно. Я сказал ему в ответ: «Радуюсь сердечно, что обзор Библиотеки принес вам удовольствие, но виною этому — образовавшие и устроившие ее так, как вы ее видите. Показать, если только есть что показать, легко всякому».

15-го декабря всего явились для обозрения Библиотеки к часу только двое — по-видимому, оба помещика. Но скоро присоединился к нам еще какой-то господин,

очень щеголеватый и с дамами; потом еще двое, и через какие-нибудь полчаса собралось в Рукописном отделении посетителей человек более 10. Также грация прибавляющейся публики происходила и по мере продолжения нашего обхода по верхним залам Библиотеки. Героем обхода был какой-то очень молодой, но вместе с тем и очень образованный гусарский офицер.

Вообще, и он, и остальные, как и в прошлый раз, а также и до того обхода, спрашивали меня об участии Тишендорфовских рукописей и о том, будет ли возможность видеть еще раз знаменитое Евангелие¹⁶⁸, на что я мог ответить одно — не знаю, впопад ли, — что это будет зависеть от воли Государя Императора, и что, сколько я знаю, эти рукописи еще не составляют окончательной собственности нашей Библиотеки. Молодой офицер, вглядываясь и вчитываясь с наслаждением во все по мере возможности выставленные у нас автографы, выразил сожаление, что у нас очень мало автографов знаменитых итальянцев. «Не говоря уже о Петрарке, Данте и т. д., желательно бы, — заметил он, — встретить здесь автографы и [итальянского] писателя] Сильвио Пеллико¹⁶⁹, Монти¹⁷⁰ и т. д.». Скорбел он также и о греках: «Как бы было здесь уместно видеть Ипсиланти¹⁷¹, Маврокордато¹⁷² и других героев-освободителей Греции...». После обхода я заметил, что молодой человек принадлежит к числу наших читателей, ибо в Читальной зале, поблагодарив меня, он тотчас же сел на свое место.

Были также в этот обход вопросы о том, модно ли заниматься в Отделениях и т. п. Один господин говорил о своих редкостях, между прочим, что он обладает «Астрологией» на арабском языке и полным экземпляром «Русской ботаники» с прекрасными гравюрами, изданной в прошлом столетии. На мое предложение пожертвовать в нашу Библиотеку господин обладатель с полным чувством личного достоинства решительно отказался.

20-го декабря публики для обозрения Библиотеки к часу явилось человека три, к концу же обхода собралось человек до десяти; эту цифру составляли студенты, военные, штатские и дамы. Из дам была очень примечательна одна очень смуглая и очень приятной наружности, — по-видимому, гувернантка, в другой уже раз посещавшая Библиотеку, — с своей, по-видимому, воспитанницей. Когда последняя записала свое имя в книгу по-французски, смуглая спутница слегка укорила ее: «Русской девушке, я думаю, — сказала она, — прилично в подобных случаях расписываться по-русски». Была и другая дама с очень красивенькой молоденькой

дочкой; но сама она не говорила ничего, дочку же придерживала как можно далее и отнимала от меня всю возможность обратить на них надлежащее внимание, т. е. занять их внимание тем, что обход со мною мог представить им более-менее поучительного или занимательного. Поднимаясь по лестнице, я толковал моей публике о распределении нашей Библиотеки по предметам, говоря же об Отделениях специальных, сказал между прочим: «Книги XV века помещены у нас в особый зал». — «А до XV века?» — спросил меня с живым любопытством очень приличный офицер. Этот вопрос составил единственную в своем роде жемчужинку обхода. Спрашивали и в этот раз о рукописях Тишендорфа. В половине уже второго часа трое господ явилось нарочно, чтобы взглянуть на выставленное у нас в этот день, как они думали, Синайское Евангелие.

Обход 22-го декабря¹⁷³ был, по обыкновению, приятен и назидателен для малочисленной публики, меня сопровождавшей, которая в Рукописном отделении частью рассыпалась, предаваясь руководению собственных глаз, чему дают полную возможность надписи в витринах при автографах и рукописях, — частью держалась меня; говорю: *приятен и назидателен*, ибо надо было некоторого усилия, чтобы по прошествии получаса собрать всех в рукописном отделении для дальнейшего шествия. Между этой публикой был примечателен для меня один из моих учеников, Гагель¹⁷⁴, молодой человек очень даровитый и любознательный, служивший теперь преподавателем в Кадетском Новгородском корпусе¹⁷⁵. Будь я писатель-художник, то в настоящем отчете я бы увековечил два типические образа двух старичков, посетивших в этот день Библиотеку. Оба они были исполнены сочувствия к Библиотеке и желания познакомиться с нею поближе, оба были в ней в первый раз, но один из них приметно много об ней читал или слышал и с жаром старался служить безукоризненным руководителем другому, по-видимому в первый раз от него услышавшему о существовании в Петербурге Публичной библиотеки. «Смотри, смотри, вот Петр, а вот Латинские спряжения Николая Павловича. Постой, вот я тебе покажу отрывок славяно-церковного письма XI века. Вот Севастьяновский¹⁷⁶ снимок Глаголитского Евангелия» и т. д. Ко мне старик-руководитель не относился ни о чем, хотя и старался по временам сосредоточить его [своего попутчика] внимание на предметах первого интереса; было ясно, что он хотел все находить сам и собственными своими находками делиться с товарищем. Сначала я думал, что он выучил наизусть все наши выставки, но уже в приемной

зале мой старичок, ментор такого же, как и сам старичка, Телемака¹⁷⁷, стал в тупик. Чувство любознательности его все же одолело: «А здесь какие же сочинения?» — спросил он меня, поглядев сперва внимательно во все стороны. Когда вошли мы в Круглую залу наверху¹⁷⁸, старичок с чувством искреннего наслаждения остановился в середине залы и сказал своему спутнику: «Смотри, устройство-то, устройство-то!». Признаться, я готов был обнять и расцеловать его в эту минуту: так добродушно и с такой теплотой эти слова были им сказаны. Сочувствовать хорошему, найдя хорошее, естественно, но для меня энтузиазм этого старичка был редким явлением: он мне представляет человека, который встречается с тем, о чем читал или слышал с полной верой, и наслаждается именно так, не менее и не более, как ожидал наслаждаться, — столько же без малейшего чувства неожиданности, сколько без малейшей приметы разочарования, или примерно как если бы я, прочитав бумагу, что для меня утверждено Министерством жалование ординарного профессора, явился за получением этого жалования. Не знаю, сумел ли я выказать всю прекрасную оригинальность этого посещения, но оно было, при всей естественности подобного явления, в высочайшей степени необыкновенно и оригинально. Оба старичка раскланялись со мною очень весело, обещав еще раз приехать.

Публика, обозревавшая Библиотеку 29-го декабря¹⁷⁹, была довольно многочисленна — в количестве человек 20, очень оживленная и большей частью не скрывавшая ни своих впечатлений, ни идей, принесенных ей в Библиотеку заранее. Были вопросы о печатании каталогов, о том, можно ли публике пользоваться дорогими изданиями и т. п. Были и курьезные вопросы, из которых помню один, сделанный мне молоденьким студентом Университета в Отделении рукописей, когда я указал публике на портреты знаменитых лиц при их автографах: «При выборе этих портретов ведь руководствовались все-таки некоторой критикой». — «Разумеется, руководствовались». Скоро после этого приехали две дамы, сестры, обе с прекрасным и многосторонним образованием, одна же вдобавок, по крайней мере на мой глаз, — красавица. С приездом их в Библиотеку между публикой обозначился какой-то господин в сюртуке с предлинными усами, приезжий, кажется, из дальней губернии, по-видимому помещик, начавший делать свои замечания: «Да, да, об этом Евангелии было писано. — Да и об этом я читал» и т. д. Была приятно, что он хотел привлечь к себе внимание хорошенькой дамы, ему незнакомой, из деликатности его слушавшей, но показывавшей ему столько же ответного внимания, сколь и другим,

вовсе ее не замечавшим. Спускаясь с лестницы к парадному входу, он даже хотел подать ей руку, но дама, столь же не оскорбляясь, сколько не кокетничая, отказались от его помощи. Господин старался все-таки идти рядом с дамами, т. е. с хорошенькой, и постоянно выражал перед ними свой восторг, частью подтверждая тут же слышанное от меня, частью меня антиципируя: «Вот увидим собрание всех русских Библий» и т. п. В Русском отделении я обратил внимание публики, между прочим, на Библию кн. Острожского¹⁸⁰. Тут мой господин превзошел самого себя: он воскликнул с чувством самого искреннего и живого изумления: «Как? Так-таки сидя в остроге, он печатал Библию?!». Я объяснил, в чем дело, не улыбнувшись, из публики также никто не засмеялся, господин же, поняв тогда, в чем дело, прикрыл свое громкое восклицание более уже протяжным, нежели громким: «Да!» Из Приемного зала этот господин поспешил прежде других, кажется, с досадою, к своей шубе, все же остальные распростились со мною весело и совершенно довольные.

Примечания

¹ Коссович Каэтан Андреевич — (2 мая 1814, Полоцк — 26 января 1883, Петербург) — востоковед-санскритолог, иранист и семитолог. Сотрудник ИПБ в 1850—1883 гг. Долгие годы проводил экскурсии по Библиотеке для посетителей. В 1859—1861 гг. по окончании каждой экскурсии составлял отчет о высказанных мнениях, а также вопросах, задававшихся ему участниками этих мероприятий и касавшихся деятельности Библиотеки.

² Коссович К. А. Письма-отчеты Модесту Андреевичу Корфу об отношении посетителей к демонстрируемым сокровищам Публичной библиотеки // ОР РНБ. Ф. 380. Д. 42. Письма относятся к периоду с 28 июня по 29 декабря 1859 г.

³ Корф Модест Андреевич (1800—1876) — барон, с 1867 г. граф, директор ИПБ в 1849—1861 гг., историк, член Государственного Совета, председатель Бутурлинского комитета, почетный член Петербургской Академии наук.

⁴ Зал XV века, или Кабинет Фауста, построен в средневековом стиле в 1857 г. по проекту архитекторов И. И. Горностаева и В. И. Соболевского.

⁵ Рафаэль Санти (1483—1520) — итальянский живописец, график и архитектор.

⁶ Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский император, полководец и государственный деятель.

⁷ Протопопов Николай Порфирьевич (1816—1861) — педагог, переводчик.

⁸ Услар Петр Карлович (1816—1875) — военный инженер, генерал-майор, лингвист и этнограф-кавказовед.

⁹ Ошибка автора. На самом деле имелся в виду Пимен (Дмитрий Дмитриевич Благово, 1827—1897) — архимандрит Русской православной церкви, мемуарист, историк, поэт.

¹⁰ Благово Нина Петровна (у. Услар) (1839—1890) — баронесса.

¹¹ Геннади Григорий Николаевич (1826—1880) — библиограф, библиофил, почетный корреспондент ИПБ.

¹² Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — библиограф и библиофил.

¹³ Ферри де Сен Констан Жан (1755—1830) — французский и итальянский писатель.

¹⁴ Реполовская Надежда Александровна.

¹⁵ Корф-Арапова Ольга Модестовна — дочь М. А. Корфа, жена Е. У. Арапова.

¹⁶ Корф Елена Модестовна (1800—1876) — детская писательница. Дочь М. А. Корфа.

¹⁷ В тот день Библиотеку посетили Е. Замятина, А. Усачева и Н. А. Реполовская.

¹⁸ Роговский Андрей Иванович (?—1865) — живописец, архитектор.

¹⁹ Имеется в виду российский народ.

²⁰ М. А. Корфа.

²¹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1003: Книга росписей посетителей Императорской Публичной библиотеки.

²² Гаевский Павел Иванович (1797—1875) — переводчик, журналист, цензор.

²³ Забелин Григорий — педагог.

²⁴ Имеется в виду Кабинет Фауста.

²⁵ Обаяние, они были очарованы все это время (фр.).

²⁶ Мокиевский Николай Михайлович (1811—?) — протоиерей Патриотического института.

²⁷ Голубинский Дмитрий Федорович (1832—1903) — писатель, профессор Московской духовной академии.

²⁸ Митрополит Макарий (Булгаков Михаил Петрович) (1816—1882) — богослов, церковный историк.

²⁹ Патриарх Фотий I (ок. 820—896) — византийский богослов, Константинопольский Патриарх.

³⁰ Митрополит Иннокентий (Иван Евсеевич Попов-Вениаминов, 1797—1879) — епископ Русской православной церкви, с 1868 г. митрополит Московский и Коломенский.

³¹ В этот день на экскурсии присутствовали: полковник М. В. Энвальд, генерал, дипломат, востоковед Л. Ф. Костенко (1841—1891).

³² В тот день Библиотеку посетили юнкера Константиновского военного училища: В. Обакевич, К. Чернов, А. Островский. К. Чернов — кузен К. Ф. Рылеева.

³³ Виноградская Анна Петровна (урожд. Полторацкая, Маркова-Виноградская, 1800—1879).

³⁴ Оленин Николай Алексеевич (1763—1843) — директор ИПБ и президент Императорской Академии художеств, художник, археолог, писатель.

³⁵ Дельвиг Антон Антонович (1798—1831) — поэт, издатель, барон. Сотрудник ИПБ.

³⁶ Ларинская зала.

³⁷ Читальный зал по проекту В. И. Соболевского.

³⁸ 8 августа 1747 г. по инициативе братьев Йозефа Анджея (1702—1774) и Анджея Станислава (1695—1758) Залуских была открыта первая в Польше публичная библиотека, ставшая одной из первых в мире национальных библиотек. После подавления в 1794 г. восстания под руководством Тадеуша Костюшко и взятия Варшавы А. В. Суворовым, библиотека, составлявшая около 400 тыс. томов, была

объявлена собственностью русского правительства и в качестве военного трофея перевезена в Петербург, где послужила основой ИПБ.

³⁹ В тот день Библиотеку посетили: обер-шенк Н. В. Долгоруков (1789—1872); Е. Д. Голицына (урожд. Долгорукова) (1801—1881), священник М. А. Цветков, генерал-лейтенант П. П. Вальмонт (?—1906).

⁴⁰ Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — государственный и военный деятель.

⁴¹ Бычков Афанасий Федорович (1818—1899) — историк, археограф, библиограф, палеограф, директор ИПБ в 1882—1899 гг.

⁴² Подлинный, настоящий, на самом деле (санскр.). В данном случае — настоящий адресат письма.

⁴³ Замечательно! Великолепно! (фр.).

⁴⁴ Не интересуется (фр.).

⁴⁵ Имеется в виду Отделение изящных искусств и технологии, которое помещалось в XV зале, на втором этаже корпуса Соколова (впоследствии Зал социально-экономической литературы, ныне Отдел эстампов).

⁴⁶ Соболевский Василий Иванович (1813—1872) — библиотекарь и архитектор ИПБ.

⁴⁷ В тот день Библиотеку посетил финансист А. А. Красильников.

⁴⁸ Новый читальный зал (зала) по проекту В. И. Соболевского был открыт в 1862 г.

⁴⁹ В тот день Библиотеку посетил поручик Лейб-гвардии Московского полка А. Н. Унковский (1811—1867).

⁵⁰ Реймское Евангелие — церковнославянская пергаментная рукопись. С 1574 г. хранилась в Реймском кафедральном соборе. Считается, что на нем присягали французские короли, начиная с Генриха III, а потом некоторые из его преемников, включая Людовика XIV. Распространенная с XIX в. легенда связывает Реймское Евангелие с личностью Анны Ярославны, ставшей около 1048 г. королевой Франции (якобы оно было частью ее приданого или личной библиотеки).

⁵¹ Пан Твардовский — герой польских народных легенд.

⁵² Гримм Вильгельм (1786—1859), Гримм Якоб (1785—1863) — немецкие филологи-фольклористы.

⁵³ В тот день Библиотеку осматривали: химик Б. Т. Вылежинский (1840—1895); юрист Б. А. Долячко; историк, славист, архивист Н. А. Попов (1833—1891).

⁵⁴ Среди женщин в тот день Библиотеку посетили Е. Копосова, Ж. Пржеленская, М. Рынина.

⁵⁵ Застенчивая и целомудренная (нем.).

⁵⁶ Жесткая (нем.).

⁵⁷ Имеются в виду портреты братьев Залуских.

⁵⁸ Тихонравов Константин Никитич (1822—1879) — краевед, знаток Владимирского края. Являлся одним из наиболее активных дарителей ИПБ.

⁵⁹ В тот день Библиотеку посетили генерал-лейтенант К. Ф. Аргамаков (1836—1907) с отцом полковником Ф. И. Аргамаковым.

⁶⁰ Орнатский Сергей Николаевич (1806—1884) — доктор права, ординарный профессор Киевского, Харьковского и Московского университетов.

⁶¹ В тот день Библиотеку посетил граф, польский археолог Евстафий Тышкевич (1814—1873).

⁶² Ханжи (фр.).

⁶³ Месяцев, что до сих пор стоят в стороне (фр.).

- ⁶⁴ Муральт Эдуард фон (Эдуард Гаспарович) (1808—1895) — археограф, историк, сотрудник ИГБ.
- ⁶⁵ И что же эти дамы ходят так одиноко? — А что мне делать? (фр.).
- ⁶⁶ Они предпочитают оставаться в одиночестве, как и явились (фр.).
- ⁶⁷ Прекрасно, красиво! Очень красиво! Великолепная библиотека! (англ.).
- ⁶⁸ Великолепная библиотека! Очень красиво, в самом деле! (англ.).
- ⁶⁹ Ополченский крест был введен в 1812 г. для ратников Государственного ополчения, которые носили его на головных уборах; с 1856 г. он стал и наградным нагрудным знаком.
- ⁷⁰ Помпеи — город в Южной Италии, расположенный близ руин одноименного античного города.
- ⁷¹ В тот день Библиотеку посетил судья В. В. Оболенский (1841—1903).
- ⁷² Зал был назван в честь П. Д. Ларина.
- ⁷³ Ивановский Антон Доминикович (1823—1873) — историк, литератор, сотрудник ИГБ.
- ⁷⁴ В тот день Библиотеку посетил славяновед, историк А. Ф. Гильфердинг (1831—1872).
- ⁷⁵ Пристав Косопромитинов.
- ⁷⁶ Султан Джантюрин, султан Эдига.
- ⁷⁷ «Изборники» 1073 и 1076 г. — третьи по древности древнерусские рукописные книги. Были составлены для великого князя Святослава Ярославича.
- ⁷⁸ Одоевский Владимир Федорович (1804—1869) — писатель, музыковед, философ, помощник директора ИГБ.
- ⁷⁹ Отделение философских наук и педагогики.
- ⁸⁰ Отделение юридических, государственных и экономических наук.
- ⁸¹ Дворец Альгамбра — архитектурно-парковый ансамбль, расположенный на холмистой террасе в восточной части города Гранада в Южной Испании.
- ⁸² Куфические письма — арабское письмо, отличающееся большей угловатостью и грубостью линий.
- ⁸³ Похожих по названию книг о путешествиях выходило достаточно много. Возможно, имеется в виду издание: Norden F. L. *Travels in Egypt and Nubia / by Frederick Lewis Norden; translated... and enlarged with observations from ancient and modern authors, that have written on the antiquities of Egypt by Peter Tampleman.* London, 1757. Vol. 1. XXXIV, 124 p., XXXIX pl.; Vol. 2. [1], VIII, 155 p., XXVII, XXXV—CLVIII pl.
- ⁸⁴ Георг III (George William Frederick, 1738—1820) — король Великобритании и курфюрст Ганновера с 1760 г.
- ⁸⁵ Беккер Карл Андреевич (Карл Генрих Людвиг) (1821 — после 1883), историк, сотрудник ИГБ 1849—1873.
- ⁸⁶ В тот день Библиотеку посетил геолог Н. П. Версиков (1846—1909).
- ⁸⁷ Заика Никита Ефимович (1803—1860) — директор Канцелярии главного управляющего путей сообщения.
- ⁸⁸ В тот день Библиотеку посетили: доктор философии, режиссер А. Г. Кениг-Толлерт (?—1880); публицист, поэт В. К. Калиновский (1838—1864).
- ⁸⁹ Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт, декабрист.
- ⁹⁰ В тот день Библиотеку посетили: психолог А. К. Мниховский; кн. П. М. Донауров (1801—1863); педагог, литератор, библиограф Е. К. Кемниц (1832—1871); военный журналист К. Кемниц; священник, писатель, археолог

Н. Г. Богословский (1824—1892); церковный деятель и писатель М. Ф. Раевский (1811—1884).

⁹¹ Императорский орден Святого Равноапостольного князя Владимира.

⁹² М. А. Корф учился в Царскосельском лицее вместе с А. А. Дельвигом (первый выпуск).

⁹³ В тот день Библиотеку посетили: заводчик и промышленник А. В. Всеволожский (1793—1864); адмирал А. И. Никонов (1811—1891).

⁹⁴ В тот день Библиотеку посетили: археограф Н. П. Барсуков (1838—1906); А. Вольгин (псевд. архимандрита Иннокентия); врач Н. В. Васильев (1845—?).

⁹⁵ Ростопчин (Растопчин) Андрей Федорович (1813—1892) — граф, церемониймейстер Императорского двора; библиофил, библиограф, даритель и почетный член ИПБ.

⁹⁶ Имеется в виду пергамент.

⁹⁷ В тот день Библиотеку посетили: П. Ольшевский (Пальвинский), впоследствии участник Польского восстания 1863—1864 гг.; естествоиспытатель Э. Л. Краузе (1839—1903).

⁹⁸ В тот день Библиотеку посетили: духовный писатель, протоирей А. А. Лебедев (1833—1898); племянник профессора Петербургского университета П. И. Прейса А. Н. Прейс.

⁹⁹ Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828—1893) — земский деятель, краевед, библиограф.

¹⁰⁰ «Пермский сборник» — повременное издание краеведческого, исторического и этнографического характера, выходившее в Москве и редактировавшееся в Перми. Т. 1 вышел в 1859 г., т. 2 — в 1860 г. Его редактором был Д. Д. Смышляев.

¹⁰¹ ИПБ в 1850-е гг. вступила в новый период своего существования. Это было время значительного роста фондов, увеличения часов обслуживания читателей, устройства новых залов, введения отделенческой структуры, организации многочисленных выставок, расширения личного состава, составления каталогов и библиографических указателей. По словам В. В. Стасова, «для Библиотеки началась новая пора» (Цит. по: Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотека глазами современников (1795—1917): хрестоматия. СПб., 2003. С. 326).

¹⁰² В тот день Библиотеку посетил писатель, журналист И. А. Рождественский (1849—1876).

¹⁰³ Красиво, очень красиво, интересно (нем).

¹⁰⁴ Ваша библиотека учреждена очень быстро. Это прекрасная библиотека (фр.).

¹⁰⁵ В тот день Библиотеку посетили: писатель, минералог, знаток искусств А. П. Ушаков (1833—1874); генерал от инфантерии А. К. Ушаков (1803—1877); поэт К. Г. Григорьев.

¹⁰⁶ Смышляева Мария Петровна (урожд. Васильева) (1831—1864).

¹⁰⁷ В тот день Библиотеку посетили: врач П. П. Барышников (1832—?); музыкант П. К. Барышников (1812—?); писатель Н. А. Александров (1840—1907).

¹⁰⁸ Вонлярлярский Александр Александрович (1802—1861) — крупный подрядчик по постройке шоссейных и железных дорог.

¹⁰⁹ Впервые Остромирово Евангелие было опубликовано А. Х. Востоковым в 1843 г.

¹¹⁰ Востоков Александр Христофорович (1781—1864) — филолог, поэт, сотрудник ИПБ.

¹¹¹ Ганка Вацлав (1791—1861) — чешский филолог и поэт. Даритель ИПБ.

¹¹² В тот день Библиотеку посетили: писатель, журналист Н. А. Лейкин (1841—1906); геолог Г. Е. Шуровский (1803—1884).

¹¹³ Первый Санкт-Петербургский кадетский корпус (1800—1864).

¹¹⁴ Причард Джемс (1786—1848) — английский психиатр и антрополог.

¹¹⁵ Срезневский Измаил Иванович (1812—1880) — филолог-славист, этнограф, палеограф.

¹¹⁶ Поэт и драматург И. Е. Великопольский (1797—1868) в 1856 г. предлагал подарить ИПБ два портрета Шекспира, написанные на стекле. Его предложение, однако, не было принято.

¹¹⁷ В тот день Библиотеку посетили: Дурново Вера Петровна (урожд. Львова) (?—1884); историк христианства Н. И. Потулов; казанский языковед С. Петровский.

¹¹⁸ Иванова Анастасия Ивановна (1816—1889) — жена Ф. П. Толстого (1783—1873).

¹¹⁹ Меттерних-Виннебург-Бейльштейн Клемент Венцель Лотар фон (1773—1859) — австрийский дипломат.

¹²⁰ Толстая Екатерина Федоровна (1843—1913) — художница, мемуаристка.

¹²¹ Соколов Александр Васильевич (?—1881) — богослов.

¹²² Щедрин Аполлон Феодосиевич (1796—1847) — архитектор, представитель позднего классицизма. Преподавал в Академии художеств с 1827 г. (с 1833 г. — профессор, с 1837 г. — академик). Архитектор Дома воспитания бедных детей Императорского Человеколюбивого общества (с 1821 г.), ИПБ (с 1826 г.), Министерства народного просвещения (с 1833 г.), Санкт-Петербургского университета (в 1827—1841 гг.) и других учреждений.

¹²³ В 1816 г. А. Н. Оленин заказал художнику А. Василевскому (Базилевскому) для Библиотеки авторскую копию портрета Г. Р. Державина.

¹²⁴ Бауер Василий Васильевич (1833—1884) — историк, профессор кафедры всеобщей истории Петербургского университета.

¹²⁵ Ученики 3-й петербургской гимназии Павел и Николай Бауер.

¹²⁶ Позже здесь будет поставлен бронзовая статуя И. Гутенберга работы датского скульптора Б. Торвальдсена.

¹²⁷ В тот день Библиотеку посетил протоиерей Н. Софронов.

¹²⁸ Адрес, поднесенный Его Величеству Александру II, при священном его короновании, Еврейским купечеством (ОР РНБ. Собр. рис. Д. 822). Еврейский текст в стихах и русский перевод написаны золотом, бархатный переплет книги с оправой из эмали, серебра и золота, образующей изящные аллегорические барельефы, выполнен по эскизу архитектора К. К. Штелба известным мастером Н. И. Сазиковым. Данный адрес, на изготовление которого пошло не менее 11 кг серебра, не выдавался на руки из-за большой материальной ценности.

¹²⁹ В тот день Библиотеку посетил историк педагогики В. А. Щерба (?—1909).

¹³⁰ Краледворская рукопись — одна из самых знаменитых подделок в области славянской литературы и фольклора. Была изготовлена чешскими просветителями Вацлавом Ганкой и Йозефом Линдой и «обнаружена» в 1817 г. в городе Кенигинхоф на Эльбе. Выдавалась за обрывок манускрипта XIII в. Содержит 14 песен, посвященных легендарным сюжетам ранней истории Чехии.

¹³¹ Смольный институт благородных девиц — первое женское учебное заведение России (1764).

¹³² В тот день Библиотеку посетил студент Санкт-Петербургского университета Николай Струговщиков (1842—?) — участник студенческих волнений 1861 г.;

художник-баталист А. П. Каптерев (?—1869); педагог, священник А. Ф. Каптерев (?—1913); путешественник, писатель А. А. Уманец (1808—1877).

¹³³ Липинский Александр Иосифович (Осипович) (?—1882) — генерал-майор.

¹³⁴ Брюгген Эраст Дмитриевич фон (1794—1863) — генерал-лейтенант.

¹³⁵ Аутодафе (исп., букв. — акт веры) — торжественное оглашение приговора инквизиции в Испании и Португалии, а также само исполнение приговора (чаще всего сожжение).

¹³⁶ В тот день Библиотеку посетили: историк церкви, богослов, архиепископ Филарет (Д. Г. Гумилевский, 1805—1866); археолог, краевед В. А. Плетнев (1837—1915); генерал от инфантерии, статистик и картограф И. Ф. Барковский (1831—?).

¹³⁷ Тишендорф Лобергот Фридрих Константин (1815—1874) — богослов, профессор Лейпцигского университета по кафедре библейской палеографии. В 1859 г. он привез в Россию из путешествия по Востоку, в том числе по Египту и Синаю, коллекцию рукописей. Первоначально она была выставлена в залах ИПБ для осмотра публикой, потом ее увезли в Эрмитаж. Окончательно его коллекция греческих и восточных рукописей была приобретена ИПБ в 1865 г.

¹³⁸ Беккер Карл Андреевич (Иванович) (1821—1883) — историк, сотрудник ИПБ.

¹³⁹ Так в тексте. Имеется в виду: пользовался вниманием собравшихся, а заодно и изучал пришедшую на обзор Библиотеки публику.

¹⁴⁰ Левшин Алексей Ираклиевич (1798—1879) — государственный деятель, одесский градоначальник, директор Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ, теоретик реформы по освобождению крестьян.

¹⁴¹ В тот день Библиотеку посетили: врач-сифилидолог Б. Н. Адалимов; инженер, архитектор, профессор архитектуры А. К. Красовский (1817—1875); автор книг о поземельной собственности Б. А. Адалимов; генерал-майор лейб-гвардейского жандармского полуэскадрона А. П. Распопов (1803—1882).

¹⁴² В тот день Библиотеку посетили: русский дипломат Д. Е. Шевич (1839—1906); шталмейстер Высочайшего двора С. А. Оболенский (1819—1882); генерал-майор В. К. Мищенко; историк Н. А. Астафьев (1825—1894).

¹⁴³ Гильфердинг Александр Федорович (1831—1872) — фольклорист, историк.

¹⁴⁴ Гильфердинг Варвара Францевна (1833—1909).

¹⁴⁵ Ильин Николай Викторович (1836—?) — сотрудник ИПБ.

¹⁴⁶ Лапшин Сергей Иванович (1827 — после марта 1883) — сотрудник ИПБ.

¹⁴⁷ Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — историк искусства, публицист, сотрудник ИПБ.

¹⁴⁸ Беркгольц Егор Егорович (1817—1885) — историк, публицист, сотрудник ИПБ.

¹⁴⁹ Веневитинова (Комаровская) София Владимировна (1808—1877) — жена Егора Евграфовича Комаровского.

¹⁵⁰ Владимир Егорович Комаровский (1835—1886) — граф.

¹⁵¹ Имеется в виду караульная команда.

¹⁵² Правда-правда, грабители и воры! (фр.).

¹⁵³ Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827) — русский поэт, переводчик, прозаик и философ.

¹⁵⁴ Корф Василий Сергеевич (1807—1883) — генерал-лейтенант.

¹⁵⁵ В тот день Библиотеку посетил судебный деятель Н. И. Стояновский (1820—1900).

¹⁵⁶ Одоевский Владимир Федорович.

¹⁵⁷ Гуттаперчей называли натуральный каучук.

¹⁵⁸ В тот день Библиотеку посетили: Н. С. Таганцев (1843—1923) — ученый, юрист; И. Янсен (1829—1891) — немецкий историк.

¹⁵⁹ Евдокимова Наталья Васильевна.

¹⁶⁰ Ригельман Николай Аркадьевич (1817—1888) — историк, этнограф, член Киевского Славянского благотворительного общества.

¹⁶¹ В тот день Библиотеку посетили: М. А. Поленова (урожд. Воейкова, 1816—1895) — детская писательница и художница; В. Н. Воейкова (1792—1873) — жена А. В. Воейкова.

¹⁶² Поленов Дмитрий Васильевич (1806—1876) — дипломат, археолог, библиограф, библиофил.

¹⁶³ Елизавета Николаевна Львова (1788—1864) — племянница Г. Р. Державина.

¹⁶⁴ Портрет доставлен не был.

¹⁶⁵ Тончи Сальватор (Николай Иванович) (1756—1844) — итальянский живописец и график, поэт и певец.

¹⁶⁶ Д. В. Поленов.

¹⁶⁷ В этот период в Библиотеке имелись портреты К. Н. Батюшкова, А. Д. Кантемира. Позже в ней будут собраны портреты многих русских литераторов.

¹⁶⁸ Синайский Кодекс — древнейший список Библии на греческом языке. Обнаружен немецким ученым Константином фон Тишендорфом в 1844 г. в Синайском монастыре.

¹⁶⁹ Пеллико Сильвио (1789—1854) — итальянский писатель.

¹⁷⁰ Монти Витторио — итальянский скрипач, композитор и дирижер.

¹⁷¹ Ипсиланти Александр (1792—1828) — греческий революционер, участник Отечественной войны 1812 г., генерал-майор русской армии. В 1821 г. сформировал повстанческую армию и поднял антиосманское восстание в Молдове, явившееся сигналом к началу Греческой национальной революции 1821—1829 гг.

¹⁷² Маврокордатос Александрос (1791—1865) — президент Греции во время Греческой национальной революции 1821—1829 гг., в 1844, 1854 и 1855 гг. — премьер-министр.

¹⁷³ В тот день Библиотеку посетили: географ, педагог Б. И. Сциборский (1833—1896); новгородский юрист В. С. Передольский (1833—1902); священник, историк старообрядчества и раскола Д. С. Варакин.

¹⁷⁴ В. Гагель.

¹⁷⁵ Кадетский корпус в Новгороде открылся 15 марта 1834 г.

¹⁷⁶ Севастьянов Петр Иванович (1811—1867) — российский археолог, юрист, собиратель христианских древностей.

¹⁷⁷ Телемах, или Телемак — персонаж поэмы Гомера «Одиссея», сын Одиссея и его супруги Пенелопы, царевич на острове Итаке, бывший утешителем и защитником своей матери во время продолжительного безвестного отсутствия отца, когда тот скитался по морям после окончания Троянской войны.

¹⁷⁸ Круглый зал Русского отделения.

¹⁷⁹ В тот день Библиотеку посетили: М. Мохова — жена художника М. А. Мохова; историк А. И. Солоникио (1846—?).

¹⁸⁰ Острожская Библия — первое завершённое издание Библии на церковнославянском языке, опубликованное в Остроге русским первопечатником Иваном Федоровым в 1581 г. с помощью князя Константина Острожского.